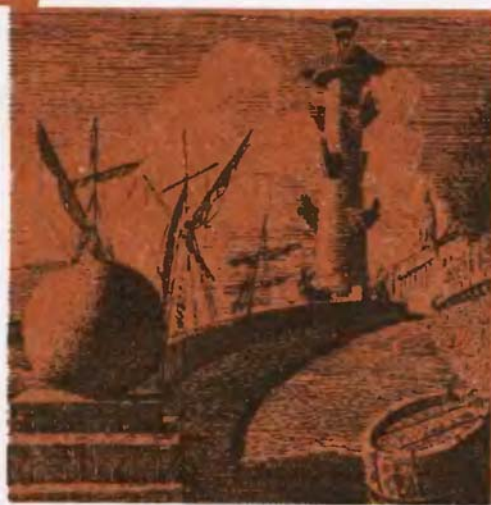

из истории
экономической
мысли

Д.Н. Платонов

И ВАН П ОСОШКОВ

Д.Н.Платонов

**ИВАН
ПОСОШКОВ**

Москва Экономика 1989

ББК 65.02
П37

Рецензент:

д-р экон. наук Л. Д. ШИРОКОРАД

Редакционная коллегия:

Л.И. АБАЛКИН, А.В. АНИКИН,
В.С. АФАНАСЬЕВ, В.А. ЖАМИН, В.В. КУЛИКОВ,
Б.А. МЯСОЕДОВ, Л.Д. ШИРОКОРАД

0603000000 - 124
П 011(01) - 89 30 - 89

ISBN 5 - 282 - 00083 - 0

© Издательство "Экономика", 1989

ВВЕДЕНИЕ

Иван Тихонович Посошков (1652–1726) является одним из выдающихся отечественных экономистов XVIII века. Он стоял у истоков политической экономии в России, создав оригинальное по тому времени учение о богатстве, был первым русским экономистом, предпринявшим попытку обосновать всестороннюю и целостную экономическую программу обновления страны с использованием определенных традиционных элементов материальной культуры. Цель его программы – углубление петровских преобразований, коренное изменение социальной базы реформ. Посошков сомневался в экономической целесообразности сохранения крепостнических институтов в России, понимая огромное значение сельского хозяйства для экономического подъема страны. Его экономическая программа предусматривала быстрый рост отечественной промышленности и торговли, который привел бы к радикальному изменению аграрно-сырьевой специализации страны в общеевропейском разделении труда.

Посошков окончил свой жизненный путь в тюрьме Тайной розыскных дел канцелярии. Не сохранилось изображения Посошкова, в его биографии много белых пятен. Выходец из крестьянского сословия, Посошков был очень активным, предприимчивым человеком, с самобытным складом ума и характера. Это был поистине настоящий русский

самородок, владеющий многими ремеслами, имеющий технические изобретения и обладающий определенной организаторской "жилкой". Но другой "страстью", которая под конец жизни все больше поглощала его, стало "прожектерство". В наше время это слово имеет несколько негативно-иронический смысл. В петровскую эпоху некоторые люди, откликаясь на насущные проблемы жизни, занимались сочинением проектов ее переустройства. Писал таковые и Посошков. Он был автором не только нескольких "прожект", но и трех больших сочинений. Самым известным его произведением стала "Книга о скудости и богатстве", законченная им в 1724 г. Оно и обессмертило имя Посошкова.

Спор о социально-экономической природе идей Посошкова начался с момента публикации "Книги о скудости и богатстве" в 1842 г. Он продолжается и до сих пор. Это сочинение воспринималось и воспринимается очень остро, порождая множество крайних оценок и парадоксальных суждений. Запоздало, медленно и трудно входила "Книга о скудости и богатстве" в золотой фонд отечественной культуры. Это объясняется еще и тем, что она не только выдающийся памятник истории общественной мысли начала XVIII века, но и книга, не потерявшая актуальности и в более позднее время.

Исследователи отмечали необычайную для экономической мысли того периода широту идей русского мыслителя, выходящую за рамки собственно меркантилистического учения. В своих теоретических построениях Посошков все время выходит за пределы сферы обращения, "преодолевают" и частные интересы отдельных отраслей мануфактурного производства. Его интересуют общие условия экономического роста, зарождение и развитие хозяйственных форм. Задуманные им реформы должны

были привести к росту "изобильного богатства" во всех отраслях хозяйства. И не случайно, что посошковское "богатство" начинается не с денег, а с материальных благ, которые должны производить все хозяйственные единицы государства.

В отечественной историографии существует добрая традиция представлять Посошкова защитником крестьянских интересов, мыслителем, поставившим вопрос о временности помещичьих прав на крестьян. В "Книге о скудости и богатстве" мыслитель представил оригинальный вариант многоэтапной аграрной реформы, которая должна была привести к легализации крестьянской земельной собственности и появлению новых форм организации производства. Объективно результаты этой реформы должны были привести к медленному изживанию крепостничества в русской деревне. А если учесть, что в XVIII столетии в России наблюдался расцвет крепостного хозяйства и рост эксплуатации народных масс, то требования Посошкова выглядят для того времени весьма прогрессивно.

Историки русской экономической мысли немало сделали для того, чтобы разрушить ходячее представление о "чистоте" и "системности" посошковского меркантилизма. Но еще недостаточно исследовательских работ, показывающих взаимозависимость промышленности и сельского хозяйства в его экономической программе обновления России.

Словом, проблем в изучении творческого наследия Посошкова очень и очень много. Крайне мало исследованы идейные истоки экономических воззрений русского мыслителя, его связи с "бунташным" XVII столетием. Практически не изучено влияние идеологии угнетенных масс на формирование мировоззрения Посошкова.

Данная работа носит научно-популярный характер и имеет своей целью не только познакомить читателя с основными экономическими идеями Посошкова и биографией мыслителя. В книге рассматриваются некоторые аспекты теоретического наследия Посошкова (политические идеи, аграрный проект, особенности меркантилизма, учение о богатстве), которые пока недостаточно освещены в советской историко-экономической литературе. Кроме того, автор попытался проанализировать некоторые "сюжеты" идейной борьбы вокруг посошковского наследия.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

И.Т. Посошков жил в сложное и противоречивое время. В стране шел процесс назревания существенных изменений во многих сферах жизни, которые в конце XVII – начале XVIII века переросли в серию реформ Петра I. Российское государство превратилось в мощную империю, Россия стала мировой державой.

Успехи внешней политики Петра I были бы невозможны без создания регулярной армии и военно-морского флота, развития экономики, науки и культуры. В первой четверти XVIII века в России появились новые общеобразовательные, военные, морские, медицинские и другие школы, новое летоисчисление и новая азбука, была напечатана первая русская газета и основана Академия наук, проводились широкие географические исследования страны, были освоены минеральные богатства Урала и Сибири, более интенсивно шло мануфактурное строительство, продолжалось хозяйственное освоение окраин.

Реформы Петра I происходили в условиях сохранения крепостничества и часто с помощью его методов. Это порождало новый круг российских противоречий, а внешний фактор придавал им специфические формы проявления. Рост товарно-денежных отношений и "открытие" западно-европейского рынка для России оказывали огромное влияние на судьбу крепостнической системы. Она получила возможность приспособиться к новым условиям развития.

Как в такое сложное и бурное время не затеряться человеку среди всевозможных изменений и новаций? Но Посошков не потерялся, а даже попал в анналы российской истории. До сих пор точная дата его рождения документально не установлена. Лишь в "Завещании отеческом к сыну своему" (1719) Посошков свидетельствовал, что ему 67 лет, а его сыну только 7. Один из его исследователей Е.М.Прилежаев, предполагая, что указанное сочинение закончено в 1719–1720 гг., считал, что Посошков родился не ранее 1652 и не позднее 1653 г. И только в 1905 г. И.С.Беляев с большей точностью определил дату рождения мыслителя. Анализируя документы переписи Петербурга, проведенной в 1737 г., он обнаружил данные о сыне Посошкова – Николае, которому в то время было 25 лет. Таким образом косвенно было выявлено две даты: Иван Посошков родился примерно в 1652 г., а "Завещание отеческое" завершил в 1719 г. [7. С. 388; 20. Кн. 1 (200). (разд.) IV. С. 23–27; 27. С. 13].

В дореволюционной литературе Посошкова часто называли крестьянином, но на самом деле это не совсем так. В своих сочинениях и документах он представлен по-разному. Но наиболее кратко и

точно Посошков говорил о себе в "Зерцале очевидном": "...в художестве работник, в чине земледельца" [9. Вып. II. С. 337]. Для Посошкова "художество" – это высококвалифицированная деятельность, не связанная с земледелием и торговлей. Но чем бы ни занимался Посошков, по сословию он числился крестьянином. В дворянском государстве это лишало многих привилегий, делало реальное экономическое положение человека весьма неустойчивым.

Иван Тихонович Посошков происходил из семьи потомственных ювелиров-серебреников дворцового села Покровское (или Рубцово-Покровское), которое было расположено недалеко от Москвы, на правом берегу р. Яузы. Царь Алексей Михайлович (1629–1676), развлекаясь в окрестностях соколиной охотой, любил останавливаться во дворце этого села. В Покровском жили не только земледельцы и прислуга, но и "непашенные" крестьяне, которые занимались всевозможными промыслами и сбывали свою продукцию в московских торговых рядах. Сохранившиеся документы переписи села показывают, что 17 крестьян-оброчников занимались "художеством", а семеро были ювелирами-серебрениками. Среди них мы находим деда и отца будущего мыслителя – Дмитрия Даниловича и Тихона Дмитриевича Посошковых [37. С. 7–9]. Из семьи зажиточных ювелиров-серебреников происходила и мать Ивана Посошкова – Улита Михайловна Степанова, уроженка Москвы из района Котельников. Иван Посошков и его брат Роман уже к 1687 г. лишились отца. Кроме брата Романа у Посошкова была и сестра Анна.

Нет никаких сведений о детстве и отрочестве Посошкова. Но, несомненно, огромную роль в его воспитании сыграла та торгово-ремесленная среда,

в которой он жил. Посошков получил разносторонние практические знания, разбирался в коммерции. Совершенно неизвестно, учился ли Посошков. Мысль о том, что простой народ необходимо учить грамоте, звучит во многих его сочинениях, но сам он едва ли где обучался. Скорее всего, Посошков был самоучкой в полном смысле слова. Его сочинения свидетельствуют о знании богословской литературы. Есть основания полагать, что Посошков хорошо знал Соборное Уложение 1649 г. – основной кодекс феодального права. Но настольной книгой Посошкова был, по-видимому, "Домострой", влияние которого особенно ощущается в последних его сочинениях.

Самой важной чертой характера Посошкова была жажда непрерывной деятельности. Если были помехи в одном, он сразу, не дожидаясь, брался за другое дело. Это был очень общительный и наблюдательный человек. Он умел слушать людей, их мнения о жизни, о состоянии государства. Сам он по делам был во многих районах России, знал ее не понаслышке. В конце 80 – начале 90-х годов у Посошковых был винокуренный завод, который посещал Иван Тихонович [79. С. 283]. Но Посошкова интересовали не только прибыльные промыслы.

Конец XVII века стал в жизни Ивана Посошкова в какой-то мере переломным. Он начинает живо интересоваться вопросами веры, особо его занимали проблемы раскола. Старообрядцами были родная сестра Посошкова и его свояк. Посошков одно время тоже был близок к раскольникам. Он писал о себе, что "и сам изначала хромах недугом раскольникови болезни". Не позднее 1693 г. Посошков поборол "болезнь" [8. Вып. II. С. 51, 66, 67, 68].

В феврале 1697 г. был раскрыт заговор полковника Цыклера, а еще раньше обнаружен своего рода оппозиционный кружок, который сформировался вокруг монаха Авраамия из Андреевского монастыря. Авраамий был знаком с молодым царем Петром, сопровождал его во время поездки на Переславское (Плещеево) озеро. У них установились контакты, связанные с предстоящей денежной реформой. Старец был знаком с Посошковым: как специалисту он заказал ему модель "денежного стана" для подношения Петру I.

Во время доклада царю о "денежном деле" Авраамий пытался передать ему письмо "своей руки". Сочтя его неразборчивым, Петр I приказал монаху его переписать, а содержание хранить в тайне. Монах исполнил все, что требовалось, и к рождеству 1696 г. "тетради" Авраамия попали к царю. Вскоре Авраамий очутился в застенках Преображенского приказа, ведавшего политическим сыском.

Авраамий осмелился обсуждать и осуждать образ жизни царя и его первые шаги на политическом поприще. В "тетрадах" монах излагал причины, побудившие его взяться за перо: жалобы народа на измену Петра старине. Люди надеялись, что новый царь "все поправит на лучшее", а он "уклонился в потехи непотребные". Царь должен жить так, чтобы быть примером для подданных. А Петр I оставил управление государством и "приказал править... похотникам, мздоимцам... хотящим богатств". Новые правители губят "государство нагло, судят неправедно и с судимых емлют...". Авраамий советовал Петру I найти добрых людей, чтобы "судили праведно всем, малу и велику, богату и убогу". Старец от-

рицательно отнесся к росту чиновничества, к тому, что должности стали источником обогащения, а дьяки и подьячие стали богаче многих крупных купцов и приобретают деревни и драгоценности. Как писатель-сатирик рисует он картину увеличения количества людей, занимающихся бумаготворчеством: "иным де и сидеть негде, стоя пишут, а в иных де приказах тесноты ради во днех (днем. — Д.П.) со свечами пишут, и, написав, дерут, не столько в ящики кладут, сколько под ноги мечют". Авраамий советовал Петру I экономно вести годовые расходы царского двора и изменить систему внутренних пошлин таким образом, чтобы она не вызывала повышение цен на предметы первой необходимости. Монах сообщал царю, что многие вели такие же речи, но боятся писать, опасаясь за свои семьи [10. С. 131–155].

На допросах старец Авраамий выдал Ивана и Романа Посошковых, которые бывали у него в монастыре и говорили о том, что написано в "тетрадах". На допросах Иван Посошков признался, что познакомился с монахом в 1694 г. как денежный мастер. Авраамий поручил ему сделать модель денежного станка для "подноса" Петру I, а слов, которые записаны в "тетрадах", он не говорил. Очная ставка с Авраамием подтвердила показания Посошкова. Старец по существу признал, что в беспамятстве оговорил Посошкова [37. С. 173–181, прил.].

Историк С.М. Соловьев называл дело Авраамия "цколой Посошкова". И в этом есть определенный смысл. Не вызывает сомнения, что многие идеи Посошкова, получившие, в частности, выражение в "Книге о скудости и богатстве", зародились у него в ходе бесед в кельях Андреевского монастыря. Даже

если Посошков и не вел этих "опасных" разговоров, а был их молчаливым и солидарным участником, то и этого вполне достаточно для впечатлительного денежного мастера. И Соловьев полагал, что "пример Авраамия и его друзей научил Посошкова осторожности, но не отнял духа обличать общественные язвы" [72. С. 129–131].

Посошков благополучно выпутался из "дела Авраамия", тогда как почти все попали в ссылку. По-видимому, он избежал серьезного наказания, поскольку привлек внимание царя своими изобретательскими способностями. Петр I был знаком с будущим публицистом и мыслителем. О своем свидании с царем в 1697 г. в селе Преображенском Посошков сообщает в "Доношении о ратном поведении" (1701), посвященном вопросам военного строительства. В 1696–1697 гг. Посошков был известен как денежный мастер и, по-видимому, выполнял задания монетного двора. По крайней мере первое его произведение, так называемое "Письмо о денежном деле" (1699–1700), было им подано в правительство. Этот проект мыслителя не сохранился, но о нем известно из "Доношения о ратном поведении" [3. С. 271]. Посошков выступал как активный сторонник чеканить новые монеты "мелкой дробью".

Денежная реформа Петра I начала XVIII века упразднила старый счет на "деньги" и "алтыны"*, сделав счетной единицей копейку. В России была введена десятичная монетная система на 70 лет раньше, чем в США. Создавая новую денежную систему, царь широко использовал техническую оснаст-

*Деньга – полкопейки, алтын – три копейки.

ку европейских денежных дворов. Здесь и пригодились "золотые руки" и светлая голова Посошкова.

Не позднее 1698 г. в Москве появились немецкие прессы, заказанные для медного денежного двора. А уже на следующий (1699) год Иван Посошков размещал их в Кремле близ Старого денежного двора. "Я, – писал он в "Книге о скудости и богатстве", – на денежном дворе будучи, ставил станы денежные, в коих денги и манеты печатаются в больших стулах дубовых. И были они толко по половины стула въкопаны и станы в них поставил, то и доньне стоят невредны" [З. С. 203–204; 29. С. 139–141]. Этот отрывок подтверждает еще раз тот факт, что Посошков стал заниматься денежным делом еще до "разоблачения" Авраамия. А специалист Посошков был отменный: его станы сохранились до 1724 г.

Посошков и дальше продолжал выполнять поручения большой государственной важности. Вся его работа по установке оборудования была проведена к выходу 11 марта 1700 г. указа о выпуске мелких медных монет. Идея первого денежного проекта Посошкова получала осуществление. Это придало ему новые силы в работе, и кроме того, подтолкнуло на сочинение новых "прожекторов".

Заграничный "денежный стан" был установлен, но, как напишет Посошков позже, "никто ни из русских людей, ни из иноземцев, не сыскался такой человек, чтобы те струменты к таковому делу соорудить". Иностранец Юрий Фробус обещал вызвать специалиста из-за рубежа. Но Посошков, "видя в том деле протяжность великую, вступил в то дикое дело и все то денежное дело установил" [З. С. 203].

Не известно, сколько времени Посошков работал на денежном дворе. Но в расходных книгах Оружейной палаты за 1704 г. он был назван "уставным денежного дела мастером". Посошков по существу был наладчиком оборудования для чеканки монет, т.е. мастером высокой квалификации. Но его звание, зафиксированное в документах Кремля, связано с другим. В 1704 г. Посошков предпринял попытку основать фабрику игральных карт. Дьяк Оружейной палаты Курбатов, предложивший Петру I ввести доходную гербовую бумагу, сообщал А.Д.Меншикову, что Посошков просит разрешения делать карты, обязуясь платить казне 2000 руб. ежегодно. Предприятие затевалось совместно с Родионом Исаевым и Иваном Фирсовым. Компаньоны получили от Курбатова субсидию в 200 руб. на покупку необходимого оборудования [21. С. 38; 71. К. 3. Стб. 1343; 4. С. 12–13].

Производство игральных карт Посошков так и не наладил, и причина нам не известна. Возможно, учредителям не хватило средств. Но именно в то время он поступил на другую казенную службу. До 1708 г. Посошков находился "у водочного сиденья" на Каменном мосту в Москве, где был казенный питейный двор. По этому "ведомству" он служил и ранее, еще в 1700–1701 гг. Посошков строил и ремонтировал дом на Аптекарском дворе, в котором занимались изготовлением высококачественных водок, медов и сладостей для царского стола [58. С. 91; 4. С. 13].

В 1708 г. Посошков подал прошение о назначении его по "строению водок" в Петербург или его губернию. Московский судья Корсаков обратился по этому поводу к губернатору столицы Меншикову, но получил отказ. Меншиков наложил на документ

следующую резолюцию: "Посошков приличился в Ратуше в воровстве, того ради выбрать к тому иного, кого пристойно". Однако эту резолюцию, как считал Б.Б.Кафенгауз, следует "признать основанной на ложном сообщении". Уже через год-два Посошков получил искомое место в Новгороде. Большую роль здесь сыграло и то обстоятельство, что он был большой специалист по производству вина, и Корсаков писал, что "без такого человека быть невозможно" [6. Ч. II. С. XVII; 15. Т. 4. № 2194; 37. С. 50].

Но, ожидая новое назначение, Посошков не сидел без дела. В июне 1708 г. его пригласили в Казань для ремонта крепостных стен. Коменданту города Кудрявцеву был известен Посошков, и он просил Петра I и Меншикова прислать его побыстрее, до прибытия инженера.

Причина известности Посошкова в Поволжье проясняется в "Книге о скудости и богатстве". В главе "О художестве" он рассказывает о своих находках самородной серы, нефти и красок. Посошков привез в качестве образца три бочки серы для князя Б.А.Голицына, который управлял в то время приказом Казанского дворца, ведающим Средним и Нижним Поволжьем. Посошков и ранее бывал в тех краях. По-видимому, это относится к периоду 1700–1703 гг., когда после поражения под Нарвой был издан указ, разрешающий частным лицам основывать серные рудники. Выполняя распоряжение главы приказа, Посошков обнаружил богатейший прииск, за который ему обещали "великое учинить награждение". Но он получил 50 руб., а государство посчитало нужным ввозить серу из-за границы [3. С. 149–150; 7. С. XXXIX].

В октябре 1708 г. Посошков вдруг объявился в Москве с новым проектом – вторым доношением о денежном деле, в котором "прожектёр" тревожился о том, что в обороте появилось много "воровских" (фальшивых. – Д.П.) денег. Это, по его мнению, связано с тем, что монетные дворы, и особенно Кадашевский в Москве, делают слишком тяжелые монеты. Денежный мастер советовал выпускать деньги с меньшим содержанием металла. Так, например, он предлагал тратить на выпуск копейки не 2, а 1 золотник меди. Посошков считал возможным снизить содержание меди в копейке до $3/4$ и даже до $1/2$ золотника. Подобная операция принесла бы государству огромную прибыль, и мастер приводил соответствующие цифровые выкладки. Посошков предлагал свои услуги для изготовления образцовых копеек всех трех видов. И ему было поручено такие образцовые деньги сделать немедленно "в приличном месте" на денежном дворе и выдано 10 руб. на соответствующие инструменты [40. С. 425–428].

До отъезда в Новгород Посошков интересовался не только "денежными делами". Его все больше и больше интересовали проблемы духовной культуры. По всей видимости, до 1710 г. им был завершен цикл писем митрополиту Стефану Яворскому. Три письма, или записки, написаны в разное время (примерно 1703, 1708, 1710 гг.). В них проявилась безграничная вера писателя в знание, в том числе религиозную образованность. В то же время Посошков считал необходимыми и правомерными насильственные методы установления православных порядков. У Посошкова проявилось отсутствие веротерпимости. Полемике с раскольниками и иноверцами посвя-

щено первое большое сочинение Посошкова, написанное в то время, – "Зерцало очевидное" (1708). На страницах этой книги он вел активную полемику с протестантами. Но она была не более как прием для критики новых российских нравов. Посошков осуждал лютеран за увлечение светским образом жизни, за отказ от "духовного жития". Ему не нравилось, что они "со всяким веселием жизнь свою провождают" [8. Вып. II. С. 269].

Живя в Новгороде, Посошков не ограничивал себя лишь одним делом. Согласно челобитной его вдовы (1728), он состоял "у дел водочного строения и у фонтанного и у гербования бумаги с 710 до 715 год безотлучно". Посошкову было положено жалование – 200 руб. в год, а также кормовые деньги на содержание работников. Но казна не выполнила этих условий, и вдова сообщала, что они задолжали [20. Кн. I (200). (разд.) IV. С. 14–16].

Жизнь и служба на новом месте также проходили у Посошкова беспокойно. Некоторое время у Посошкова не было собственного дома, и он с семьей ютился у купца Елисея Федорова, который по возвращении из-за границы предъявил Ивану Тихоновичу иск за хозяйственные убытки. Живя в Новгороде, Посошков вел активную предпринимательскую деятельность. Не обладая большими собственными средствами, он широко пользовался кредитом. В предсмертной записке о долгах сумма полученных в кредит денег составляла 2350 руб., и почти ее половина (1100 руб.) принадлежала новгородским купцам [6. Ч. II. С. XXXVIII].

Жизнь в Новгороде дала Посошкову пищу для размышлений. Он продолжал дополнять написанное ранее "Зерцало очевидное". Увлечение богосло-

скими вопросами привело его к знакомству с новгородским митрополитом Иовом, о встречах с которым Посошков рассказывает в "Зерцале очевидном". Иов, покровительствуя писателю, дал ему два рскомендательных письма в Петербург: одно – вице-губернатору Римскому-Корсакову (1712), а другое – сенатору Якову Долгорукову (1713). Мы не знаем точно, каких протекций добивался Посошков. По-видимому, они были связаны с его коммерческими интересами [6. Ч. II. С. X; 4. С. 16. Прим.].

Начиная с 1716 г. Посошков делает серию покупок: дома, земли с крепостными, а также устанавливает винокуренный завод. Со слов самого Посошкова, у него в недвижимой собственности было: "двор деревянный" в Петербурге и два – в Новгороде, полдеревни Закарасенье и деревня Матвеево Бежецкой пятины Новгородского уезда с винокуренным заводом на 14 кубов, небольшое село Марьино Кашинского уезда. По данным Вотчинной коллегии (1726), у Посошкова по купчим было в двух уездах 172 четверти земли и крестьян "мужеска и женска полу 72 да в бегах 9 человек" [37. С. 186, 188, прил.].

Дом в Петербурге Посошков купил в 1716 г. С 1708 г. он стремится обосноваться в новой столице, но, достигнув желаемого, живет как бы "на два дома", именуя себя и новгородским и петербургским жителем. По-видимому, что-то мешало предприимчивому Посошкову вести дела как следует. Как землевладелец и "душевладелец" он чувствовал себя очень неуверенно: ведь приобретать земли и крестьян могли только дворяне. По указу 1721 г. это право получили и крупные "фабриканы", прикупавшие села к предприятиям, но вотчину в Кашинском уезде он приобрел до указа, а значит, незаконно.

В своем селе Посошков открыл винокуренный завод. За разрешением он обратился в 1719 г. к президенту Камер-коллегии Д.М.Голицыну, своему знакомому. Но Посошков угодил в тюрьму и неделю сидел "под караулом" [3. С. 58]. По свидетельству самого Посошкова, начиная с 1723 г. винокуренный завод не работал. В этом отношении интересно деловое письмо Александра Михайловича, племянника Посошкова и управляющего новгородской вотчиной. Он, сообщая Посошкову хозяйственные новости, обратил внимание хозяина на отсутствие у приказчика хлеба и денег и что ему пришлось заложить кубы и трубы винокуренного завода [58. С. 97]. Дело в том, что 20-е годы XVIII века отличались в России неурожаями и ростом цен. Для Посошкова, державшего в Гостином дворе три винные лавки, это была катастрофа, ведь основным сырьем винокурения было зерно.

Нельзя категорически утверждать, что Посошков стал купцом-предпринимателем. Мы наблюдаем лихорадочные попытки завести прибыльное дело. Винокуренный завод не оправдал себя, хотя и какой-то "прибыток" Посошков успел получить. Общая оценка недвижимости Посошкова (1726) составляла около 3 тыс. руб.: 2324 руб. стоили его вотчины, 600 руб. – дома и 1000 руб. – винокуренный завод. Помимо подрядов на поставку вина, Посошков держал на откупе (1721–1724) таможенный сбор Устрицкой волости Новгородского уезда. Через десять лет после его смерти государство числило за ним откупные недоимки на сумму в 1076 руб. [6. Ч. II. С. XLIII; 37. С. 67–69, 186, прил.]. А если еще учесть, что Посошков был должен своим кредиторам 2350 руб., то можно понять его определенную неуверенность в будущем.

В преклонном возрасте (в 1712 г.) у него родился сын Николай. Покупки недвижимости свидетельствовали, что Посошков хотел "пустить корни". Надвигалась старость, и он взялся изложить наследнику правила праведной духовной и мирской жизни. Так появилось другое крупное сочинение Посошкова – "Завещание отеческое к сыну" (1719), посвященное религиозным и морально-этическим проблемам.

После "Завещания отеческого" Посошков задумал осуществить давний замысел своей жизни – изложить в особой книге свою обширную программу "исправления всех неисправ" в России. Эта идея зародилась давно, с годами она все более крепла. Здесь представления о личном и общественном интересе почти полностью совпадали. В 1721 г. завершилась долгая Северная война. Казалось, тяготы военного времени должны кончиться; петровское правительство решит ряд важных хозяйственных вопросов, стоящих на повестке дня. Словом, время было самое подходящее, и Посошков взялся за перо, решив "подсобить" Петру I своими "проектами". Но когда сочинение было закончено, то оказалось, что это не очередной проект, а целостная грандиозная программа преобразования России. Так в 1724 г. появилась "Книга о скудости и богатстве" – основное произведение Посошкова, адресованное лично Петру I.

Казалось, ничто не предвещало беды, когда в июне 1725 г. Иван Посошков вместе с женой и сыном приехал в Петербург, чтобы хлопотать об учреждении текстильной мануфактуры, ведь винокурение не оправдало надежд предпринимателя. Он написал доношение в Мануфактур-коллегию, что желает

"завести вновь коломенковую* и полотняную фабрику и производить оные в Новгороде своим коштом". Но Посошков просил и "привилегий": дать ему с Екатеринославской мануфактуры два "стана" и некоторые элементы оборудования, передать двух искусных мастеров для обучения его людей и выделить "беспощинно" в Новгородском уезде лес для рубки. Кроме этого, он просил передать ему в качестве производственного помещения один брошенный в Новгороде двор, а также предоставить беспощинную торговлю [б. Ч. II. С. XXXII].

Хозяйственные хлопоты Посошкова были прерваны его неожиданным арестом 26 августа 1725 г. Посошков попал в Тайную канцелярию, а его сына держали под домашним арестом. Можно выдвинуть ряд предположений, почему Посошков попал в темницу. Это событие совпало по времени с острейшим политическим моментом: смертью Петра I и переходом власти к Екатерине I. Главная роль в новом правительстве принадлежала Меншикову.

Новгородский архиепископ Феодосий Яновский, с которым после смерти Иова сблизился Посошков, публично оскорбил Екатерину. Он был арестован и сослан на Север, но следствие продолжалось и после этого. Был арестован секретарь Синода Герасим Семенов, а также подьячий Василий Шишкин, который жил с ним в одном доме. А последнего допрашивали, не имеет ли он у себя дома "Книгу о скудости и богатстве" из библиотеки Феодосия Яновского? Кроме того, материалы Тайной канцелярии показывают, что при аресте у Посошкова были изъяты, а затем разобраны все "письма" и что

* Коломенок — полушерстяная ткань.

содержали его в тюрьме "по важному секретному государственному делу" [37. С. 130–135, 186; 30. С. 306; 6. Ч. II. С. XXXIV]. Есть все основания полагать, что Посошков стал колодником из-за последней опасной книги.

Погодин высказывал суждение, что не последнюю роль в судьбе Посошкова мог сыграть всемогущий тогда Меншиков [6. Ч. II. С. XVIII]. Действительно, с именем светлейшего князя связаны некоторые неудачи Посошкова: в устройстве фабрики карт (1704), в попытке получить должность "водошного мастера" в новой столице. Посошков, по-видимому, избегал губернатора Петербурга Меншикова и просил Иова дать рекомендательное письмо на имя вице-губернатора столицы. Возможно, что Посошков сталкивался с людьми Меншикова по коммерческим вопросам. Но прямых данных об этом нет.

1 февраля 1726 г. Посошков скончался и был погребен у церкви Самсона Странноприимца. В материалах Тайной канцелярии он назван "купеческим человеком", а в протоколе, зафиксировавшем смерть, Посошков – "водошных дел мастер" [37. С. 186, 188, 189]. Но кем бы ни был этот человек, для отечественной науки Посошков интересен прежде всего как оригинальный мыслитель, подаривший России "Книгу о скудости и богатстве". Он был патриотом своей Родины, и все его помыслы были направлены на ее будущее процветание. Он написал свой трактат с большой верой в то, что "вся наша великая Россия обновится как в духовности, тако и во гражданстве и не токмо одна царская сокровища наполнятся, но и вси жителіе российсти обоготятца и прославятся" [3. С. 243].

Глава 2

ЗА ОБНОВЛЕНИЕ РОССИИ

”Книга о скудости и богатстве” Посошкова предназначалась лично Петру I. Об этом свидетельствует не только введение, но и так называемое Доношение о ”Книге о скудости и богатстве”, которое сохранилось в двух черновых вариантах и отдельно от самого сочинения. По оглавлению книга Посошкова напоминает содержание феодального кодекса России – Соборного Уложения 1649 г. Мыслитель предлагал царю составить новое Уложение, рассчитывая, что при его обсуждении всем миром будут учтены и ”мнения” Посошкова.

1. Идеология петровских преобразований: некоторые черты

Абсолютизм – явление общеевропейское, хотя в каждой конкретной стране он имел особые формы проявления. В России завершение длительного процесса политической и экономической централизации страны пришлось на эпоху петровских преоб-

разований. "Абсолютная монархия, — отмечал К.Маркс, — возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой" [1. Т. 4. С. 306]. Но в России в конце XVII — начале XVIII века феодализм как способ производства еще не исчерпал себя. В России XVIII века наблюдалась экспансия крепостничества и государство принимало в этом непосредственное участие. Феодально-крепостнические черты российского абсолютизма не могли не сказаться на абсолютистской идеологии.

В.И.Ленин, подчеркивая чиновничье-дворянские черты российской монархии, обращал внимание на то, что образовавшаяся бюрократия "является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной" [2. Т. 20. С. 121; Т. 1. С. 301. Прим.]. В том и противоречивость развития российского абсолютизма, что буржуазное перерождение власти приобретало сложные, подчас крепостнические формы проявления, а развитие крепостничества происходило за счет создания государством некоторых благоприятных для феодализма буржуазных условий деятельности (европейский рынок земледельческой продукции благодаря выходу к морю). Эта очень специфическая "двуликость" российского самодержавия часто придавала крайнюю противоречивость его политике и идеологии. В.И.Ленин постоянно обращал внимание на крепостнический характер российского самодержавия, указывая на его "азиатские", "деспотические" черты. Он считал, что в современ-

ной ему монархии много "допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков" [2. Т. 12. С. 10]. Какая же идеология лежала в истоках самодержавного деспотизма?

В России основные принципы идеологии и практики абсолютизма сложились в первой четверти XVIII века. Крупнейшим идеологом петровской эпохи был видный религиозный и государственный деятель Феофан Прокопович (1685–1735). По его мнению, народ, отдав всю власть монарху по "воле божьей", уже не в силах отменить это и устранить правителя [55. Ч. 2. С. 9]. Идеолог самодержавия считал, что монарх может "законно повелевати народу не только все, что необходимо для пользы отечества, но и все, что ему не понравится, только бы народу не вредно". Волей монарха можно вводить и "обряды гражданские, церковные, перемены обычаев, употребление платьев, домостроения, чины и церемонии в пировании, свадьбах, погребениях и пр." [15. Т. 7. № 4870]. Подобная идеология оправдывала проведение любой реформы.

Прокопович писал, что для истинного христианина "богоугодное дело заключается в том, чтобы всякий человек строго исполнял свои обязанности своего звания, своего чина" (цит. по: [64. С. 68]). Но при существующей сословной структуре населения "новшества", как правило, состояли "в увеличении и расширении повинностей в пользу государства" (цит. по: [84. С. 65]).

В идеологии и практике тогдашнего абсолютизма четко прослеживается деление всего населения империи на привилегированную (дворяне, духовенство) и податную части. При этом каждому "чину" был расписан круг служебных обязанностей, испол-

ление которых приносило "государственную пользу".

Дворяне обязаны были исправно служить в армии или государственных учреждениях, получать образование, чтобы лучше выполнять свои обязанности. Духовенство должно заниматься духовным воспитанием подданных империи, а купечество и посадские люди не только активно развивать торговлю и промышленность, но и платить государству налоги.

В самом бедственном положении в государстве находились крестьяне. Они оказались зависимыми не только от своих помещиков, но и от государства. Все тяготы войн петровской эпохи обрушились прежде всего на российское крестьянство. Это привело к значительному росту фискальной эксплуатации земледельцев. Государство вводило всевозможные налоги специального назначения, крестьяне исполняли подвозную и постоянную повинности, привлекались на строительные работы. В военные годы сложилось так, что интересы абсолютистского государства ставились выше интересов помещиков.

Петр I готовил для поместного дворянства специальный наказ "О бережении земледельцев". В нем говорится, что крестьяне "суть артерий государства и как де через артерию (т.е. большую жилу) все тело человеческое питается, так и государство последними, чего ради надлежит оных беречь и не отягощать через меру, но паче охранять от всяких нападков и разорений и особливо служилым людям (дворянам. — Д.П.) порядочно с ними поступать" (Цит. по: [73. С. 145]). Идея "бережения" крестьян получила определенное законодательное оформление в указе о единонаследии 1714 г. Раздел поме-

щичьих имений между наследниками вызвал бы рост крестьянских повинностей в ущерб "государственного интереса". Поэтому именной указ резюмировал это так: "И тако от того разделения казне государственной великий есть вред и людям подлым (крестьянам. – Д.П.) разорение" [14. С. 295]. Позднее в воеводском указе 1719 г. Петр I прямо указывал на "дворянские причины" разорения земледельцев и их бегства [15. Т. 5. № 3294].

Таким образом, в документах эпохи Петр I выступает как сторонник сбалансированного распределения повинностей крестьян между абсолютистским государством и отдельными помещиками. Однако длительная Северная война обескровила государственные финансы. Во имя "общего блага" необходимо было найти новые финансовые ресурсы. Вспомнили про основную "артерию государства" – крестьянство. Подворное обложение было заменено в 20-е годы XVIII века подушной податью, которая распространилась на все население: горожан и крестьян. Новая подать оказалась очень обременительной для населения, а многие были не в состоянии выплачивать налог. А ведь "все то, что вред и убыток государству приключить может", расценивалось самим Петром I как преступление перед властью [15. Т. 5. № 2871].

Введение "поголовщины" имело не только фискальное, но и большое политическое значение. Реформой податного обложения российский абсолютизм сделал новый шаг в развитии крепостнических отношений в стране. К.Маркс, обращая внимание на это обстоятельство, отметил окончательное превращение русских крестьян в личную собственность помещика, который получил "право прода-

пать их в одиночку или гуртом, с землей или без земли, и ввиду этого стал лично ответственным перед правительством за крестьян и за их подати" [1. Т. 12. С. 692. Прим.].

Укрепление абсолютизма было поставлено в прямую зависимость от экономической политики. Государству требовались немалые средства для покрытия расходов на содержание армии и флота, государственного аппарата. Денег требовала и протекционистская политика в области промышленности и торговли. "Абсолютная монархия... – отмечал К.Маркс, – нуждается... в материальном рычаге... власти – во всеобщем эквиваленте, в богатстве в его постоянно готовой к бою форме, в которой оно совершенно не зависит от особых местных, натуральных, индивидуальных отношений. Абсолютная монархия нуждается в богатстве в форме денег" [1. Т. 46. Ч. II. С. 410].

Важным материальным рычагом абсолютистской власти в России начала XVIII века стала подушная подать – новый крепостнический институт. Но речь идет не только о крепостнической форме буржуазной экономической политики. Содержательность этой формы в том, что она сдерживала буржуазное перерождение российской монархии. В условиях роста феодально-крепостнической экономики разорение тяглового населения создавало лишь дополнительный источник для укрепления и расширения старых форм производства, вместо капитализации экономики.

Нельзя сказать, что в идеологии реформ начала XVIII века прокапиталистические идеи не играли никакой роли. Еще почти в самом начале правления (1702) Петр I обещал народу править, "дабы всяк и каж-

дый из наших верных подданных чувствовать мог, како наше единое намерение есть о их благосостоянии и приращении усердно пещися, и потому всякие способы и пути употреблять..." В 1721 г. монарх сформулировал задачу своего правления так: "Надлежит трудитца о ползе и прибытке общем, который бог нам пред очи кладет как внутрь, так и вне, от чего облехчен будет народ" (Цит. по: [84. С. 61]). Можно только предполагать, что такое "польза и прибыток общий". Более четко Петр I разъяснил подданным такое понятие, как "государственный интерес". Он будет осуществлен, если сбор "государственной прибыли" будет проходить "без тягости народной" [16. Т. 5. № 2707].

Российский абсолютизм не забывал о промышленности и торговле. В Генеральном регламенте (1720 г.) развитие торговли, художеств и мануфактур является важным элементом "общего блага" [15. Т. 6. № 3534]. "Общим благом" мотивируется и выдача привилегий на заведение мануфактур, "которыми всех прочия благоустроенныя государства процветают и богатеются..." [15. Т. 5. № 3089]. В 1721 г. вышел указ о разрешении промышленникам покупать крестьян к заводам.

Использование абсолютизмом буржуазных методов экономической политики в условиях крепостничества дало специфический эффект. Фискальная политика монархии стала зависеть не от растущего благосостояния податного населения, а от количества "душ". Точно так же как богатство помещика зависело от количества крепостных. Таким образом, прокапиталистические черты политики абсолютизма способствовали определенной консервации феодализма в России.

Существовал ли альтернативный путь социально-экономического развития России в петровскую эпоху? Высокий уровень концентрации политической власти, полубуржуазные (хотя и не совсем явные в условиях крепостничества) черты абсолютной монархии, капиталистические элементы в экономике, влияние европейского капитализма, сама политическая атмосфера перемен, царившая в обществе, – все это составляло определенные предпосылки для более глубокого обновления России. Идеологом такого обновления был Иван Посошков.

2. Социально-политические идеи Посошкова

Политические идеи и социальные идеалы Посошкова во многом объясняются его происхождением и тем движением по общественной лестнице, которое предоставила ему бурная эпоха конца XVII – начала XVIII века. Мировоззрение его было весьма сложным, подчас неоднозначным, противоречивым.

Среди русских мыслителей начала XVIII века трудно найти более решительного приверженца сильной, беспощадной к "неправде" абсолютистской власти, как Посошков. Очень важна для него политическая воля правителя, поскольку "царь яко бог, еже возхощет, в облости своей может сотворить" [3. С. 15]. Все, что в пределах Российской империи и "неисправно", подлежит изменению, исправлению, регламентации – вплоть до размеров повинностей помещичьих крестьян. Все надо изменить, навести порядок во всем – таков основной мотив "Книги о скудости и богатстве".

Посошков – решительный противник застоя старой системы административного управления. "Не токмо суда весма застарелого, – писал он, – не разсыпав его и подробну не рассмотря, не исправить, но и хоромины ветхия, не разсыпав всея и не рассмотря всякого бревна, всея гнилости из нея не очистить" [3. С. 99]. Идея переборки Дома – России и возникающий образ царя-плотника очень важны для понимания взглядов Посошкова.

Критикуя действующее в стране законодательство и судопроизводство, Посошков ставил перед Петром I вопрос о необходимости составления нового Уложения взамен кодекса 1649 г. "Яко бо здания высокаго без твердаго основания не утвердiti, – замечает он, – так и с правды совершенныя без основателного изложения никоими мерами уставити невозможно, понеже в нас неправда велми твердо въкоренилась" [3. С. 92]. Посошков был очень высокого мнения о роли правовой культуры в жизни общества. Он считал, что для ведения серьезной переборки Дома необходимо создание нового кодекса – фундамента преобразований.

Беспокойство Посошкова относительно нового Уложения имело основание. С начала 1700 г. работали специальные комиссии, которые должны были на основе Соборного Уложения 1649 г. и новых законодательных документов составить новое Уложение. К 1720 г. было подготовлено 4 тома законов, но новый кодекс не был утвержден [55. Ч. 2. С. 166–167].

Оригинальной была идея Посошкова созвать представителей от всего населения страны для составления нового Уложения. Для этого царю предлагалось собрать по 2–3 представителя от духовенства, администрации "высокаго и нискаго

чина", дворянства и купечества, "фискалов" (людей сыска и надзора. – Д.П.), солдат и опытных крестьян из старост и сотских, "которые во всяких нуждах перебивались", а также "детей боярских" – холопов [З. С. 81–82]. Затем составленный кодекс необходимо "всем народом освидетельствовать самым вольным голосом, а не под принуждением, дабы в том изложении как высокородным, так и низкородным, и как богатым, так и убогим, и как высокочинцам, так низкочинцам, и самым земледельцам обиды бы и утеснения от недознания коегождо их бытия в том новоисправном изложении не было" [З. С. 82].

Обращает на себя внимание не только демократический характер обсуждения новых законов ("вольным голосом"), но и стремление Посошкова выделить среди прочих "мнений" крестьянские "обиды" и "утеснения". Всесословный совещательный орган при царе был назван "многонародным советом" [З. С. 83]. Последнее слово при утверждении нового Уложения Посошков оставлял за царем: предложенный проект должна рассмотреть "его умная острота" [З. С. 82]. Император мог отредактировать кодекс, вплоть до исключения ряда статей.

Посошков призывал самодержца к диалогу с народом через его представителей. Он пытался убедить Петра I, что введение "народосоветия" не снижает роли "его величества самодержавия", но ради "истинной правды" следует прислушиваться к мнению представителей разных сословий, ведь "всяк рану свою в себе лучши чует" [З. С. 82]. Мыслитель надеялся, что царь может создать такую общественную атмосферу, где каждый, "ничего не опасаясь подал бы ко исправлению" свои предложения [З. С. 82]. Посошков рекомендовал попробовать

новые законы "на делах" и при необходимости внести поправки.

Продолжая защищать идею "многонародного совета" перед Петром I, Посошков прямо заявляет, что "без многосоветия и без вольного голоса никоим делом невозможно, понеже бог никому во всяком деле одному совершенного разумения не дал..." [З. С. 83]. Он бросил прямой вызов авторитету самодержавной власти.

Б.Б.Кафенгауз обратил внимание на определенную связь посошковского проекта с идеями Соборного Уложения 1649 г. [37. С. 121–122]. Действительно, в преамбуле этого кодекса внимание Посошкова привлекла практика утверждения законов, когда новые акты, не вошедшие в старые судебники, необходимо было "написать и изложить по его государеву указу общим советом" [13. С. 17]. Однако совет, предложенный Посошковым, заметно отличался от Земского Собора 1649 г. Последний состоял из двух палат – "верхней", куда входили царь, высшее духовенство и Боярская дума, и "нижней" ("ответная палата"), которую составляли выборные представители дворянства, купечества и посадских людей. Проект Уложения по отдельности слушали обе палаты, но каждый участник Собора подписывал Уложение [13. С. 139].

Посошков предлагал совершенно иное. Состав его Собора представлял все "чины" и выражал в законах волю всех сословий государства. Более того, принимая окончательное решение, царю по существу предлагалось учитывать "раны народа". Таким образом, Посошков значительно расширял социальную базу российского абсолютизма. Это означало, что Петр I должен был провести такие мероприя-

тия, которые привели бы к радикальному изменению в расстановке сословно-классовых сил в обществе, а в конечном счете изменили бы черты политической системы.

С другой стороны, Посошков не предлагал Петру I превратить "многонародный совет" в постоянно действующий политический орган. Здесь он вновь проявляет себя как горячий сторонник самодержавия. "У иноземцев короли, – критиковал Посошков европейские монархии, – власти таковыя не имеют, яко народ, и того ради короли их не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданыя их, а паче купецкие люди" [3. С. 239].

Анализ текста "Книги о скудости и богатстве" позволяет заметить много интересного. Так, в ней нет ни слова об обогащении господствующего сословия дворян. А в стремлении многих сословий общества к торговой деятельности Посошков видел высокий социальный статус купечества в российском государстве. "Нет на свете такого чина коему купецкой человек не потребен был", – замечал мыслитель [3. С. 113].

Посошков – сторонник жесткой сословной иерархии общества. "Чин", по Посошкову, должен соответствовать характеру основной деятельности человека, а не просто принадлежать ему: "как жить, так надлежит и слыть". Поэтому людям других сословий Посошков советовал "записатца в купечество и промышлять уже прямым лицом, а не пролазом" [3. С. 114]. Особенно одобрительно он относился к предпринимательской деятельности зажиточных крестьян.

Посошков предусматривал не только возможность перемены "чина", но и принципиальное

изменение всей сословной иерархии. "Купечество и воинству (т.е. дворянству. – Д.П.) товарищ, воинство воюет, а купечество помогает и всякие потребности им уготовляет" [3. С. 111]. На эту идею Посошкова обратил внимание Б.Б.Кафенгауз. Он считал, что русский мыслитель ставил купечество наравне с дворянством [37. С. 89]. Но эта плодотворная идея не получила у историка дальнейшего развития. Между тем мысль Посошкова о необходимости политического и экономического паритета между дворянством и буржуазией – центральная, стержневая в его абсолютистской идеологии.

Предполагаемый Посошковым рост буржуазных элементов, в результате осуществления его экономических проектов, привел бы к складыванию совершенно иной социально-политической ситуации в стране. Ведь абсолютистский характер власти, по мнению Ф.Энгельса, "нужно понимать не в вульгарном смысле; [она развивалась] в постоянной борьбе то с сословным представительством, то с мятежными феодалами и городами; сословия нигде не были ею упразднены; таким образом, ее следует обозначать скорее как *сословную монархию* (все еще феодальную, но разлагающуюся феодальную и в зародыше буржуазную)" [1. Т. 21. С. 417].

Посошков нигде не пишет об обогащении дворянства, зато многие страницы его книги посвящены "умножению пожитков" купечества и крестьянства. Мыслитель уповал на то, что в результате проведения Петром I его реформ офицеры и "высокомнимые дворяня могут претвориться в кроткия [овчата и будут иметь] любовь и с простым народом, понеже вси единые державы люди есмы" [3. С. 8].

Ф.Энгельс не исключал такой ситуации в развитии абсолютизма, когда "борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга" [1. Т. 21. 172]. В этом случае происходило заметное усиление абсолютистской власти, которая могла осуществлять политику "умиротворения" сословий, о которой мечтал Посошков. Но при этом государство должно было сохранять паритет, достигнутый между дворянством и буржуазией.

Известную самостоятельность российский абсолютизм мог получить лишь в условиях разложения одиозных, феодально-крепостнических форм, определенного ослабления дворянства. Но ситуация в России последних лет правления Петра I была прямо противоположной. Это были годы триумфа и определенного перелома в судьбе "петровской революции". Как раз в годы написания "Книги о скудости и богатстве" абсолютизм провел мероприятия, которые можно характеризовать как своего рода "крепостническую реакцию". В 1721 г. вышел указ, разрешающий покупать крестьян к мануфактурам, а в 1722–1724 гг. была проведена перепись населения и произошла замена подворной подати подушной. В этих условиях началось усиление крепостнических черт российского абсолютизма.

Посошков выступал как активный противник "главной затей" абсолютизма в 20-е годы XVIII века – введения "поголовщины". В отечественной литературе более ста лет дебатруется вопрос: был

ли Посошков противником крепостного права? [37. С. 111–117]. Наперекор высочайшим обстоятельствам Посошков осмелился критиковать новый крепостнический институт – подушное обложение.

Посошков достаточно ясно высказывал чисто буржуазные идеи равенства всех сословий как перед государством, так и перед законом. "И ради общежителства любовнаго, – писал Посошков, – аще великий наш монарх повелит суд устроить един, каков земледельцу, таков и купецкому человеку, убогому и богатому... чтобы всякому и нискочинному человеку легко было его достигнуть...". Он особо подчеркивал, что в новом суде "земледельцов не будут обидеть" [3. С. 52].

Новая политическая система абсолютистского государства, предлагаемая Посошковым, когда люди "между собою любовно имут жить" и "любовь принудит друг друга в нуждах помогати" [3. С. 14], нашла у русского мыслителя оригинальное экономическое обоснование.

3. Учение о богатстве

Разговор о "богатстве" – основном понятии Посошкова – начинается уже с названия книги. "Богатству" он противопоставляет "скудость" населения – его "бедность", "нужду", "нищету", "недостаток", "убожество" [27. Т. IV. С. 212]. Однако Посошкова интересовала не столько бедность определенной части населения, сколько его возможности выйти из этого состояния. Ведь согласно подзаголовку его книга "есть изъявление, отчего бо гобзовитое (изобильное. – Д.П.) богатство умножается" [3. С. 13].

Понятие "изобильное богатство" – центральная категория трактата Посошкова. От нее расходятся и к ней приходят все его основные экономические идеи. Прежде всего обращает на себя внимание определенная нерациональность, тавтологичность термина "изобильное богатство". Слово "изобилие" – это "обилие", "излишество", "множество", а также "достаток", "довольство", "богатство" [27. Т. II. С. 30]. А "богатство" означает "множество", "обилие", "изобилие", "избыток" и "излишество" [27. Т.-I. С. 102]. Можно предложить множество "смысловатых пар" неоднозначного понятия "изобильное богатство". Но они будут начисто лишены какого-либо смысла вне контекста сочинения и той сложной системы понятий, которая у Посошкова связана со словом "богатство".

Один из оттенков понятия "изобильное богатство" – "множество богатства" (даже "разнообразие изобилия". – Д.П.). Не случайно в книге Посошкова фигурирует целый ряд разнообразных категорий: "царственное богатство", "всенародное богатство", "крестьянское богатство". Однако все эти термины лишь производные понятия "изобильное богатство". Сразу во введении Посошков высказывает Петру I свое мнение о "собрании казны" и сообщает царю основные принципы своей экономической стратегии. Но вдруг мыслитель как бы оговаривается: "Паче вещественного богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде" [3. С. 14].

Впервые в истории русской экономической мысли Посошков делает попытку классифицировать богатства, выделяя два больших подразделения. Но есть точка зрения, что идея о невещественном

богатстве "является результатом религиозности Посошкова, идеалистического характера его мировоззрения" [32. С. 326]. Однако Посошков в своей книге часто говорит лишь о божественности "правды", выраженной в книге. Не случайно Посошков пишет царю, что необходимо заботиться "о снискании правды, егда (когда. – Д.П.) правда в нас утвердится и твердо въкоренится, то не можно царству нашему российскому не обогатиться и славою не возвыситься" [3. С. 14]. Посошков пытается доказать Петру I, насколько важен поиск рациональных идей, необходимых для обновления общества. А когда эта "правда" – "невещественное богатство" – найдена, крайне важно, чтобы ее поняли. Посошков как бы подводит Петра I к мысли, что "Книга о скудости и богатстве" есть не что иное, как "невещественное богатство" в руках реформатора и им необходимо воспользоваться.

Посошков указывал царю и на другие формы "невещественного богатства". Большое значение он придавал духовной культуре населения. Русскому народу "надобно не парчами себя украшати, но надлежит добрым нравом и школным учением..." [3. С. 127].

Один из основных тезисов учения Посошкова о богатстве заключается в следующем: "все, что есть в народе богатства – богатство царственное, подобно и оскудение народное – оскудение царственное" [3. С. 78]. Это положение в определенной мере признавал и Петр I, но в практической политике он и его сподвижники исходили все же из примата "царственного богатства". Это в конечном итоге и привело к введению разорительной для народа "поголовщины".

Посошков смело возражал Петру I: "крутое собрание не собрание, но разорение" [З. С. 78]. Тем не менее мыслитель считал фискальную систему естественной, хотя видел ее более совершенной. Для этого необходимо увеличение финансовых ресурсов государства – приращение "всенародного богатства".

"И тако вси обогатятся, – подчеркивал Посошков, – а царския сокровища со излишеством наполнятся и еще и побор какой прибавочной (сверх установленного. – Д.П.) случится, то, не морщася платить будут" [З. С. 14]. Таким образом, и "царственное", и "всенародное богатство" есть лишь формы проявления "изобильного богатства" – богатства с избытком, приращением. Важно еще и то, что "изобильное богатство" – такое богатство, которое после изъятия его части в пользу царя продолжает существовать с избытком и даже от чрезвычайных податей народ остается богатым. Посошков предусматривал существенное повышение уровня благосостояния населения России.

"Само понятие национального богатства, – отмечал К.Маркс, – прокрадывается у экономистов XVII века в таком виде – это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века, – что богатство создается только для государства и что мощь последнего зависит от этого богатства. Это была еще та бессознательно-лицемерная форма, в которой само богатство и его производство провозглашались лишь как цель современных государств, а последние рассматривались как средство для производства богатства" [1. Т. 46. Ч. I. С. 45].

Посошков в определенной мере преодолел

иллюзии относительно того, что богатство создается только для государства, но он продолжал верить в огромные реформаторские возможности российского абсолютизма, способного, по его мнению, создать целую систему благоприятных условий для народного обогащения. В концепции Посошкова "всенародное богатство" не некая обезличенная категория. Он писал Петру I, что "не то царственное богатство, еже в царской казне лежащая казна много... но то самое царственное богатство, еже бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не внешними одеждами или позументным украшением..." [З. С. 13–14]. Таким образом, "всенародное богатство" – это прежде всего совокупность "домовых внутренних богатств" каждой отдельной семьи. Заботясь о "домовом богатстве", или семейном имуществе, Посошков предлагает так вести хозяйство, чтобы все "по мерности своей в приличном богатстве (личной собственности? – Д.П.) расширились" [З. С. 13]. Но он оговаривает норму ("по мерности") личного потребления для хозяина дома, жены и детей. Чтобы "даром напрасно ничего не тратили" – вот основной принцип домашнего потребления. Посошков считал, что для умножения богатства семьи необходимо быть "от пьянственного питья воздержаннее", в "одеждах не весьма тщеславно, и не иметь лишних украшений" [З. С. 13]. Он выводил предметы роскоши за пределы "домового внутреннего богатства", а значит, и потребления семьи. Нормы семейного потребления Посошков превратил в источник "домового богатства". Когда произойдет "умиротворение" всех сословий, "всяких чинов люди по своему бытию в богатст-

ве довольни будут" [З. С. 14]. Посошков выступал за ограничение "домового богатства" сословными рамками. И здесь нет противоречия, поскольку мыслитель дал лишь исходную модель "домового богатства" – "богатства-довольства", или "богатства-достатка", что полностью соответствует одному из значений понятия "изобильное богатство". Специфическое "богатство-достаток" каждого "чина" не должно быть ниже определенного уровня, иначе оно становится "напрасной скудостью".

Для обоснования норм семейного потребления Посошков широко привлекал идеи "Домостроя" Сильвестра. Это сочинение XVI века было очень популярно в русском народе. Третья часть "Домостроя" (главы 30–63) содержит ряд практических рекомендаций относительно улучшения "домового строения" патриархальной семьи. Думается, что многие идеи рачительного ведения домашнего хозяйства применял на практике и сам Посошков. Не случайно домостроевские методы бережливого хозяйствования, борьбы против роскоши и расточительства он перенес в "Книгу о скудости и богатстве" [См.: 13. С. 111–173, 580–581]. Он советовал Петру I предоставлять льготы "в царских поборах" людям, если человек "себе и детям своим построит полаты" [З. С. 128]. И этот яркий образ построенного Дома имеет определенный смысл. Россия, торгующая с Западом, представляется при чтении книги неким огромным хозяйствующим Домом, которому не все равно, что в него попадает.

России не нужно то, что она может произвести сама. Дом должен покупать у иностранцев не все подряд, а лишь основательное, добротное и необходимое для отечественного "домостроительства". "И

выбирались бы, — подчеркивал Посошков, — кои товары были прочны и самые б. были добрые, а плохих отнюд бы не принимали” [3. С. 125]. Посошков настаивает на покупке товаров высокого качества и длительного пользования. Именно от их потребления “домовое богатство” будет расти.

Посошкову было совершенно чуждо средневековое презрение к богатству, которое проповедовалось христианскими идеологами. Не приемлет он и тот принцип, по которому накопление жизненных средств сверх минимума есть грех корыстолюбия [26. С. 249–250]. В его концепции нет “потолка” для роста “домового богатства”, но есть понятие его “нижнего предела”, дальше которого начинается “оскудение”. Так Посошков использовал сословный принцип распределения богатства для узаконивания роста частной собственности.

Сложность позиции Посошкова в вопросе о сословности богатства заключается в том, что все его регламентации не клеймо запрета, а лишь “покров”, способствующий росту “изобильного богатства”. А особенность сословных норм потребления заключается в том, что они в конечном итоге способствуют росту норм накопления капиталов у молодой буржуазии. “Купецкий человек” Посошков, вышедший из крестьянско-ремесленной среды, перенес свой хозяйственный опыт в теорию.

”Хотя Посошков прямо и не пишет, — отмечал А.И.Пашков, — но из его рассуждений вытекает, что источником богатства следует считать труд, безотносительно к его физическим и социальным особенностям” [32. С. 329]. Действительно, труд, человеческая деятельность — одни из основных понятий его книги.

Посошков резко осуждал всякого рода праздность и иждивенчество. Правда, он выбрал экстремальную ситуацию для объяснения плодотворной роли труда в жизни общества. Он советовал нищим "наказание дать неоскудное" – обучить их какому-либо полезному ремеслу, предлагал и "тюремным сиделцам" дать работу, чтобы "дней своих никакия люди даром не теряли и хлеба бы даром не ели. Бог не на то хлеб нам дал, что нам ево яко червию съев, да в тлю (тлен. – Д.П.) претворить" [З. С. 107].

А.И.Пашков считал, что для Посошкова трудиться с "прибытком" – это значит производить прибавочный продукт. Но у Посошкова это понятие описано по-иному, для него самое главное, чтобы все трудились и "плод приносили". Для него нет понятия "прибытка" как части продукта сверх необходимого. "Прибыток" ("плод") – это прежде всего вновь произведенный продукт. "Прибыток" – это приращение к существующему уже богатству царской казны и всего народа. Таким образом, возобновление производства (воспроизводство) у него направлено на создание "изобильного богатства". Сам "прибыток" для непосредственного производителя тоже "изобильное богатство", поскольку "иной подле себя и посторонних человек пять-шесть или и болши может прокормить" [З. С. 111].

Вновь созданный продукт ("прибыток") содержит, по Посошкову, не просто "избыток", а "изобилие избытка", даже определенное "излишество избытка". Как бы подтверждая смысловую многозначность категории "изобильное богатство", Посошков подчеркивал, что человеку "надобно, хлеб ядши, делать прибыль божу и царя своему и своей

братье и себе, дабы не уподобиться непотребному червию..." [З. С. 107].

Во возобновляющемся процессе производства "прибытка" уже заложено его распадение как бы на "продукт для себя", дающий богатство для домашнего хозяйства, и "продукт для общества". Последний распределяется между церковью (1/10 дохода работника), государством (налоги) и другими членами общества. Можно предположить, что под "своей братьей" Посошков подразумевал людей разных профессий, которые должны обмениваться продуктами своего труда в том "замиренном" обществе будущего. Есть и косвенные доказательства этого предположения. В одном случае Посошков отличает "прибыток" вообще от "прибытка своего" – прибыли, которую предприимчивый крестьянин мог получить, торгуя излишками хлеба [З. С. 117].

Посошкова больше интересовали не столько вопросы производства, сколько распределения и потребления богатства. Даже само производство он рассматривал как процесс создания церковной "десятины", "царского сбора", продуктов для продажи на рынке и для домохозяйства. И только постоянное воспроизводство всех элементов без исключения делает такую экономическую систему жизнеспособной. Не следует забывать, что Посошков жил в условиях феодализма, с его натуральным хозяйством и простым воспроизводством. В самой схеме воспроизводства богатства первые две позиции ("десятина", "царский сбор") у Посошкова стабильны. Это свидетельствует о том, что концепция "изобильного богатства", связанная с распределением и потреблением материальных благ, включала в себя определенные элементы теории приба-

вочной стоимости. В экономических взглядах Посошкова видны лишь первые проблески анализа собственно производства, да и то с позиций распределения и потребления богатства. Он полагал, что благодаря регламентации сферы потребления, а также распределения можно создать множество условий для появления богатства. "Изобильное богатство" Посошков ассимилирует прибавочный продукт – материальную основу прибавочной стоимости.

Понятие "прибыток" чаще всего связано у Посошкова с земледельческим трудом. Хлебный "прибыток" обеспечивает процветание государства. Мыслитель охотно описывает крестьянскую торговлю и советует царю обеспечить "запись" земледельцев в купечество. Он ратует за подъем сельскохозяйственного производства, обработку заброшенных земель. Крестьянину надлежит "прибыток получить" работой в поле, лесу и домашнем хозяйстве [3. С. 166]. Дворяне отсутствуют в схеме распределения "прибытка", что позволяет сделать предположение о планируемых Посошковым радикальных изменениях в аграрном строе России.

Столь пристальное внимание русского мыслителя к росту крестьянского "прибытка" объясняется еще и тем, что в 20-е годы XVIII века около 97 % податного населения России относились к крестьянскому сословию [56. С. 152]. Безусловно, многие крестьяне занимались домашними промыслами, но основным источником существования большинства было земледелие. "Земельные платежи" крестьянства составляли подавляющую часть налоговых поступлений в пользу государства. Не случайно Посошков во "всенародном богатстве" особо выде-

лил "крестьянское богатство", поскольку считал, что "земля самый гобзовитый (изобильный. – Д.П.) данник царя" [З. С. 178, 20]. Рост "прибытка" в деревне имел огромное значение для подъема российской промышленности и торговли.

4. Перестройка промышленности и торговли

Идеологи российского абсолютизма понимали, что без промышленного строительства, развития внутренней и внешней торговли невозможно будет превратить Россию в одну из ведущих европейских держав. На этих позициях стоял и Иван Посошков, имевший определенный опыт в устройстве промышленных предприятий.

Важным объектом его исследования стало городское ремесло. Посошков писал о неблагоприятном его состоянии, сетуя на низкий уровень профессионального мастерства ремесленников. Это объяснялось отсутствием особого гражданского устава, регламентирующего ремесленное производство и "главного правителя", который смотрел бы за всеми.

Согласно Посошкову, цель введения цеховых уставов не только в том, чтобы "все мастера дела свои делали самым тщательным художеством безпорочно". Не менее важна задача воспитания из ученика мастера. Если даже ученик овладел ремеслом, ему нельзя самовольно покинуть своего наставника. За самовольный уход Посошков предлагал отдавать беглецов в солдаты. По его уставу все "поневоле будут учитца добре и, совершенно выучась и взяв у

мастера отпуск, вышшему художественных дел камандиру покажут свое мастерство и отпуск" [З. С. 141]. Задача же "камандира" вместе с мастерами определить, следует ли экзаменуемому доучиваться, или в противном случае работать по найму у других мастеров, или самому, открыв мастерскую, набрать учеников.

Цеховой устав Посошкова предусматривал и персональное клеймение готовых изделий. Оно распространялось только на мастера, но он отвечал и за работу учеников и подмастерьев, чтобы те "на мастерство ево похулки какой не навели" [З. С. 142].

Посошкову как сыну ювелира было хорошо известно о существовании ремесленных объединений у московских серебряников еще в начале XVIII века. Но его проект цехового устройства имеет одну принципиальную особенность, которая отличает его от полностью замкнутых ремесленных гильдий. В нем нет ограничений на количество учеников и наемных рабочих, которые трудятся под руководством мастера. Тем самым Посошков как бы предоставляет право разбогатевшим мастерам, постепенно расширяя производство, превратить ремесленную мастерскую в предприятие мануфактурного типа. Здесь мыслитель апробирует одну очень важную идею – идею роста первичных форм производства, их превращения в более сложные. Ремесленная мастерская становится "мастерским домом" – мануфактурой. Здесь мы вновь встречаемся с замечательной идеей "домостроительства". Посошков рисует совершенно иную ситуацию: Дом расстраивается или перестраивается, возможно, перестает быть одноэтажным, но никак не разрушается.

Большие потенциальные возможности цехового строя Посошков видел и в том, что мастерская ремесленника могла стать и своеобразной кузницей кадров не только для городского ремесла, но и для российской мануфактурной промышленности в целом.

Посошков считал, что в России не поощряется труд изобретателей — "вымысленников". На этот случай необходимо ввести особый устав, охраняющий права изобретателя до его смерти. Тогда, по мнению Посошкова, "многие бы острые люди и нарочно стали тшаться, како бы что новое вымыслить, от чего бы ему поживитися". Кроме того, устав должен быть таким, "чтобы за вымысл новаго какова мастера или промысла отнюд иным не попускать вступать", пока еще жив его изобретатель [3. С. 140].

Посошковский проект цехового устройства звучал в унисон с правительственными мероприятиями. В 1722 г. вышел указ о создании организаций городских ремесленников. Он предусматривал "в цехи писать ремесленных всяких художеств и гражданских жителей как из российских всяких чинов, из иноземцев завоеванных городов, так и чужестранных людей" [15. Т. 6. № 3980]. В дальнейшем в цеха разрешалось вступать и крепостным крестьянам, если помещики давали им "отпускные".

Посошков, безусловно, знал новое законодательство о цехах, но он стремился к его совершенствованию. Поскольку к учреждению цехов привлекались и русские, и иностранцы, он настойчиво советовал Петру I "освидетельствовать" их мастерство. Особое внимание должно быть уделено иноземцам

”мастерства имянитого и у нас в Руси небывалого” [З. С. 143]. Иностранным мастерам необходимо создать все условия не только для организации производства, но и, самое главное, обучения русских редкому ремеслу. За это предполагались не только договорная плата, но и вознаграждение. Это, по мнению Посошкова, привлекло бы в Россию зарубежных специалистов. С другой стороны, нерадивого иностранного мастера предлагалось ”выслать... нечестно и чтобы он в Руси у нас не шатался, дабы, на то зря, впред для обману в Русь к нам не приежжали”. [З. С. 143].

Большой интерес представляют идеи Посошкова об общей стратегии промышленной политики. Он предлагал Петру I интенсивнее вести строительство промышленных предприятий, прекратить продажу на Запад промышленного сырья и ”потщатся, чтобы завести в Руси делать те дела... кой из русских материалов делают”. ”Сие бо велми нужно, – заключает Посошков, – еже кои материалы где родятся, тамо бы они и в дело происходили” [З. С. 146]. В истории русской экономической мысли XVIII века нет более последовательного и активного сторонника развития обрабатывающей промышленности, ориентированной и на внешний рынок.

Будучи поборником самостоятельного экономического развития страны, Посошков советовал Петру I построить в первую очередь те предприятия, изделия которых заменят иностранные товары. Идеи государственного ”домостроительства” и здесь играют решающую роль. Его очень волновал набор потребительских благ, которые ввозит, но может производить Россия сама.

Стеклянную посуду, коль она непрактична, не обязательно потреблять в стране, зато очень выгодно построив пять-шесть заводов, "наполнить" ею другие государства. Огромную прибыль может дать и строительство табачных заводов, если их продукцию "за море будем отпускать". Посошков ратовал и за развитие полотняной промышленности. "Я чаю, – пишет он, – что мочно нам на всю Европу полотен наготовить..." [З. С. 124, 136, 147]. Посошков считал, что завести новые предприятия будет трудно, но он видел огромную выгодность внешней торговли, когда за ткани можно будет брать "яфимки (серебряные деньги. – Д.П.) и иные потребные... вещи". Кроме того, предполагалось, что вывозимые полотна "перед их нынешнею ценою гораздо уступнее продавать их мочно" [З. С. 147, 148].

"В основе воззрений меркантилистов, – отмечал К.Маркс, – лежало представление о том, что труд производителен лишь в тех отраслях производства, продукты которых, будучи отправлены за границу, приносят стране больше денег, чем они стоили (или чем нужно было в обмен на них вывезти за границу)" [1. Т. 26. Ч.1. С. 135]. У Посошкова присутствует существенный элемент меркантилистической доктрины – создание экспортных отраслей промышленности. Посошков не противоречит себе, когда подчеркивает, что "хлеб и харч у нас... гораздо дешевле, а лен и пенка гораздо ниже половины тамошней их цены укупить мочно" [З. С. 147]. Низкие издержки производства, на которые указывал мыслитель, безусловно, были возможны в условиях дарового крепостного труда крестьян.

Давая сравнительную характеристику российских и западно-европейских условий хозяйст

ния, Посошков стремился доказать Петру I, что доход можно получить за счет внутренних ресурсов экономики, ее рациональной организации. При этом на помощь российскому предпринимателю должно прийти государство. Посошков предлагал Петру I "вначале соорудить дома из царские казны на пространных местах в тех городех, где хлеб и харч* дешевле, в заокских (заокских. – Д.П.) местех или где что пристойно делать, и наложить на них оброк, чтобы люди богателись, а и царская казна множилась" [З. С. 148].

Предлагал Посошков организовать и кредитование промышленности. Он советовал давать "денги из ратуш или откуду его императорское величество повелит" ремесленникам, которые захотят превратить свою мастерскую в мануфактуру. При этом кредит необходимо выделять не только "на строение, но и на всякие к тем делам на надлежащие инструменты и всякие припасы, чтобы во удобное время всяких припасов припасали без оскудения" [З. С. 148]. Посошков ставит перед царем не только проблему создания кредитной системы, им выдвигается идея активного субсидирования низших форм производства в сложный период их перехода к более высоким формам.

Реализация этих идей Посошкова могла иметь большое значение для судеб русской промышленности XVIII века. Регламент Мануфактур-коллегии (1723) разрешал людям любого "чина" заводить "фабрики" и мануфактуры в любой области. Но этот документ допускал и другое толкование, по которому разрешительные указы были связаны с

* У В.Даля "харчи" означают не только "продовольствие", "еда", "мясная пища", но и "расходы", "издержки" [27. Т. IV. С. 543].

соблюдением интересов "первозаводных" мануфактуристов, с производством добротных товаров, наличием у "фабриканов" необходимого состояния и "достоинства". Так обосновывалась борьба с "неуказным производством" ремесленников и крестьян, поскольку считалось, что их производство чинит "указным" предприятиям "подрыв и разорение". Появившиеся в петровские времена "указные фабриканы" получили монопольное право на производство того или иного товара и разные привилегии, в том числе "казенные субсидии, доступ к "крещеной собственности", земельные пожалования, обширные леса, богатые рудники и т.д." [63. С. 195, 168-169].

Посошков предложил Петру I совсем иной путь: установить своеобразную частную монополию на "вымысел" нового ремесла, закрепленную государственным патентом, а также сделать выбор в пользу таких форм регламентации ремесленного производства (через уставы, субсидии и т.д.), которые способствовали бы его качественному и количественному росту, а не ухудшению. Мыслитель словно предвидел события 30-50-х годов, когда делались активные, но безрезультатные попытки абсолютизма побороть "неуказное производство".

Посошков считал, что кредитование растущей промышленности – дело прибыльное для государства. Он советовал представителям администрации на местах присматривать за предпринимателями, "чтоб напрасные траты денгам не чинили и не бражничали бы, но употребляли бы их в сущее дело, и те данные денги и прибыльные по изложению или по рассмотрению исправления их погодно ж брать" [3. С. 148]. Интересна мысль Посошкова о том, что

денежные средства, субсидированные государством, могут дать "прибыльные деньги", т.е. прибыль. Но сам механизм образования такой прибыли экономист не рассматривал.

Для пополнения состава рабочих мануфактур Посошков предлагал царю организовать поимку "гулящих робят" – беглых крепостных крестьян. К ним он советовал присоединить и людей "уличного скитания" – нищих, бродяг. Промышленникам необходимо лишь обучить всех их ремеслу "и, науча, владети ими вечно, чьи бы они (крестьяне. – Д.П.) до поимки ни были..." [3. С. 148–149]. Посошков не комментирует петровский указ 1721 г. о разрешении промышленникам покупать крестьян, хотя сам он воспользовался этим законом. Но он требует у самодержца санкции на изъятие беглых "душ" у дворянства, предлагая Петру I расширить практику нарушения монопольных прав дворян распоряжаться крепостными крестьянами.

"Крепостнические" рамки промышленной политики Посошкова в первую очередь были связаны с неразвитостью вольного найма и дорогой его оплатой. Абсолютизм стремился компенсировать это посредством распространения в промышленности принудительных форм труда. Подобного рода формы были характерны и для других стран Европы [78. С. 152–153]. И в российской промышленности широко использовался труд крепостных крестьян, преступников, военнопленных, "гулящих людей" и т.п.

Для дальнейшего развития промышленности Посошков призывал Петра I организовать активное изучение недр страны для выявления полезных ископаемых. Он даже досадует, что "никакие вещи

(минералы. – Д.П.) у нас потребныя не сыскано” [З. С. 149]. С большим увлечением повествует он царю, как разыскал самородную серу и нефть.

Обоснованное беспокойство Посошкова вызывало и состояние других естественных ресурсов, необходимых для “домостроительства”. По существу он стоял у истоков отечественной экологической мысли и экономики природопользования. Посошков выдвинул задачу охраны природных богатств от их хищнического использования.

С необыкновенным пониманием дела Посошков рассуждает о рациональном ведении лесного хозяйства в степной зоне России, необходимом для сохранения и умножения лесных массивов. Ему кажется естественным, если каждый селянин осенью вспашет 10–20 десятин земли и “намечает семян” разных деревьев [З. С. 173].

Беспокоило экономиста и оскудение рыбных промыслов. Главную причину этого он видел в ловле “рыбных зародышков”, которые “меньше овсяного зерна”. По мнению Посошкова, под страхом суда и штрафов необходимо остановить ловлю “недорослей” рыбы частым неводом. В результате этого через три-четыре года рыбы станет больше, она будет дешевле, и народ ея “насытитца” [З. С. 175–177].

Исключительно большую роль в развитии российской экономики должна была сыграть, по мнению Посошкова, торговля. “А торг дело великое!” – провозгласил мыслитель. Он выдвинул перед Петром I идею “свободного торга” для русского купечества. Мыслитель полагал, что без наведения порядка во внутреннем торге невозможно вести прибыльную внешнюю торговлю. В этой связи стави-

лась задача создания наилучших условий для деятельности купечества. Важнейшим из них Посошков считал установление и соблюдение сословного принципа торговли.

Человеку любого сословия необходимо "свой чин прямо вести, а в другой предел не вступати..." [З. С. 114]. В связи с этим мыслитель стремился доказать Петру I, что "иночинцы", ведя торги, уходят от уплаты пошлин и приносят царю "убыток". Он просит царя защитить интересы купцов от "обидчиков" – так он называет конкурентов. Посошков обращал внимание Петра I на невозможность в тогдашней ситуации собрать половину пошлин с товарооборота. И казна будет продолжать нести потери, если не "отставить вовсе торгу от господ и от служивых людей, потому что прикоснулись торгу лица сильные..." [З. С. 117]. Посошков был не против крестьянской торговли, хотя и считал, что зажиточному крестьянину с "пожитком" в 100–200 руб. необходимо записаться в купечество. В то же время он очень опасался роста торговли дворян и высшей бюрократии.

Посошков открыто полемизировал не только с Петром I, но и его ближайшим окружением – с А.Д.Меншиковым, А.В.Макаровым, Н.В.Головиным и др. Особенно выделялся по размаху коммерческих сделок Меншиков [75. С. 318–346]. Очевидно, подобные занятия дворян и бюрократии были не редкостью. Определенные условия для этого создавала экономическая политика абсолютизма, ориентировавшаяся на "бесчинство" в торговле. Так, указом 1711 г. было разрешено "всякого чина людям торговать всеми товарами везде не возбранно своими именами с платежом всех обыкновенных пошлин"

[15. Т. 4. № 2349]. Росту дворянской торговли способствовал указ о единонаследии (1714 г.). Он "отводил" младших детей дворян от праздности, "ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим. И то все, что оныя сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть" [14. С. 296]. Петр I ставил торговую деятельность дворян в один ряд с военной и гражданской службой. Дворянам после 40 лет разрешено было записываться в купечество, и это не считалось бесчестьем [75. С. 348]. И только в 1736 г. правительство запретило "благородным" принимать купеческий "чин".

Развитие товарно-денежных отношений размывало сословные границы внутри феодального общества. Происходило определенное обуржуазивание дворянства и бюрократии. Господствующие сословия приспосабливались к новой экономической ситуации. Экономическая система обретала возможность маневра, становясь как бы двуслойной. Возникали специфические, "симбиозные" формы производства: крепостное поместье, работающее на рынок, или крупная мануфактура с приписными крестьянами. В этих условиях позиция Посошкова была достаточно последовательной и по-своему прогрессивной. Сословная локализация торговли и ее "либерализация" могли способствовать росту купеческих капиталов, вкладываемых в промышленность и торговлю. Дворянские же промыслы часто заканчивались "праздной" тратой капиталов; стремлением к их "омертвлению" в покупках предметов роскоши и в лучшем случае земли.

Важным моментом "либерализации" торговли должна была стать по замыслу Посошкова реформа

системы торговых пошлин. Экономист считал, что при их сборе "не весьма право деются, ибо покушаются с одного вола по две и по три кожи здирать, а не могут ни единые кожи целые содрати и елико ни нудятся, токмо лоскутье содирают" [З. С. 208].

Посошков, образно рисуя процедуру многократного сбора пошлин на внутренних таможах, критиковал таможенную политику абсолютизма. Он предлагал в интересах развития торговли взимать пошлину один раз – 10 % от стоимости товара [З. С. 210]. Посошков ранее других мыслителей понял невыгодность для казны и купечества существования многочисленных таможен. Он, в частности, указывал царю, что многие чиновники кормятся за счет сбора торговых пошлин, в ущерб государству. Таможенные сборы в России были отменены только в 1753 г.

Показательно и "либеральное" отношение Посошкова к казенным монополиям в торговле. В период Северной войны государство в целях пополнения казны постепенно изъяло из продажи ряд товаров: соль, табак, юфть, деготь, пеньку, поташ, смолу, мел, рыбий жир, икру, щетину и т.д. [55. Ч. 1. С. 227]. Важным "заповедным" товаром стала соль, взятая в казну еще в 1705 г. Стремясь повысить доходы от соляной монополии, государство предприняло попытку отдать ее продажу на откуп. Но это ни к чему не привело. Тогда в 1711 г. была снижена подрядная цена соли, что заметно уменьшило доходы промышленников, и особенно мелких. В результате многие соляные варницы забрасывались, и поступление соли в казну стало сокращаться [З. С. 383–384].

Посошкова очень тревожило положение дел в соляном промысле. Его проект свободной торговли солью был составлен в русле тогдашней правительственной политики, отменившей в 1719 г. ряд казенных монополий [15. Т. 5. № 3428]. Посошков предлагал взамен монополии самим торговцам определять цены и "продажные прибыли", а пошлину установить "по гривне с пуда, а не с денег". Установление свободного торга солью имело бы большие последствия : "многия тысячи людей будут от нее кормиться благословенным кусом". А поскольку соль подешевеет, то "многие люди и розбагатеют от нее и люди от безсолицы цынжать (болеть цингой. – Д.П.) и безвременно умирать не будут" [3. С. 212].

Посошков был последовательным сторонником государственной регламентации товарных цен, выступал за их стабилизацию на внутреннем рынке. Дифференцируя все товары по качеству, он тем не менее упорно советовал Петру I положить такую цену, "чтоб какова в первой лавке, такова была и в последней" [3. С. 120]. Чего же добивался этим экономист? Посошков, по-видимому, негативно относился к колебаниям и общему росту цен (почти в 2 раза) в первой четверти XVIII века [56. С. 133–134]. Нельзя сказать, что он не понимал определенных закономерностей в изменении цен, считая, что увеличение количества продуктов приведет к их удешевлению, и экономист приветствовал рост продуктивности любого труда.

Используя абсолютистскую власть, Посошков, возможно, надеялся создать некий регулятор цен. Установленные государством на внутреннем рынке цены образовывали бы определенный "потолок",

срабатывающий при неблагоприятной экономической ситуации. В голодном 1723 году Посошков наверняка был свидетелем стремительного роста хлебных цен, при этом цены колебались по районам России. В данном случае он выступал не как сторонник интересов богатого купечества и зажиточного крестьянства, а как практик промышленного строительства. Посошков считал стабильные цены и дешевый провиант важными условиями промышленного строительства перерастания мастерских в мануфактуры. Отсюда необычная категоричность его суждений, которая даже ставит под сомнение его идеи снижения цен: "цене подобает быть равной и никогда неизменной, како в хлебородном году, тако и в недородном" [3. С. 219].

Определенная стабилизация цен на внутреннем рынке должна, по мнению Посошкова, стать важным условием перестройки внешнеторговой деятельности российского купечества. Он надеялся на помощь администрации в организации купеческих товариществ – "кампанств". Посошков создал в определенной мере абстрактную модель внешнеторговой компании, специализирующейся на торговле определенными товарами. Каковы же основные принципы ее организации?

Компания "с воли камандира" и по согласию всех купцов устанавливает цены и отпускает товары за рубеж. Она должна создать одинаковые условия для деятельности всех купцов, как богатых, так и "убогих". Исключается не только ценовая конкуренция между отдельными купцами при продаже товаров иностранцам, но и каждому купцу необходимо "из своих товаров поверстався по количеству товаров своих" [3. С. 120]. Выдвигается принцип

равных возможностей всех купцов безотносительно объема принадлежащей каждому товарной массы. Купцы должны были выступать как единая, сплоченная организация против притязаний иноземных коммерсантов. Их действия напоминают своеобразную торговую войну, но не связанную с законодательным ограничением импорта или введением запретительных пошлин. Смысл протекционистской затеи Посошкова – с помощью чисто административных мер, организованных компанией и властями, заставить иностранцев под давлением экономической необходимости торговать с российскими купцами на выгодных последних условиях.

Посошков считал просто недопустимым, что иноземцы, "приехав с своими безделками, да нашим материалным товарам цену устанавливают нискую, а своим цену ставят двойную, а иным товарам и выше двойные цены" [З. С. 122–123]. По его мнению, если иностранцы не сторгуются с российской компанией о снижении своих цен и повышении цен на отечественные товары, то торги с ними необходимо прекратить, а их товары на русском берегу не оставлять, принудив их уехать без торговых сделок. Так, по мнению Посошкова, можно повторять из года в год, прибавляя к цене русского товара сумму, определенную царским указом. Этот "прибыток" необходим, чтобы "денги... в том товаре даром не прогуляли" [З. С. 121]. Год от года цена таких товаров будет расти. И это приращение Посошков называет "прецентом". Он подчеркивает крайнюю необходимость Запада в русских товарах, поскольку там без них "и десяти лет прожить не могут" [З. С. 122]. Перед нами своеобразный механизм получения прибыли во

внешней торговле – растущий избыток цены над "установленной", посошковский вариант "прибыли от отчуждения", характерной для меркантилизма. Действующая модель торговой компании с ее "прибыльным" в своих масштабах поведением – пример достижения государством активного сальдо торгового баланса.

При реорганизации внешней торговли Посошков предлагал повнимательнее присмотреться к импортным товарам. Он сокрушался, что "вместо материальных товаров возят к нам разные питья", стеклянную посуду и "всякие товары, кои непрочны и портятся скоро..." [З. С. 124, 125]. Экономист – решительный сторонник радикального пересмотра структуры импорта. Особенно его возмущал ввоз украшений, дорогой одежды, предметов потребления господствующих сословий. Кроме того, он предлагает запретить закупки товаров, которые уже производятся в стране: железа, соли, стеклянной посуды, зеркал, оконного стекла, очков, шляп, скипидара, игрушек, красок. Посошков очень точно перечислил продукцию тех отраслей промышленности, которые получили развитие в петровскую эпоху.

"Мнения" Посошкова соответствовали активной протекционистской политике абсолютизма. Покровительственная опека отечественных мануфактур нашла свое выражение в таможенном тарифе 1724 г. Пошлины были установлены в серебряных "ефимках". В пересчете на их рыночную цену ставки тарифа колебались от 25 до 75 % [З. С. 370–371]. Дифференцированные ставки тарифа назначались в зависимости от соотношения объема отечественного производства и размера импорта и носили по

существо запрети́тельный характер. Русский экспорт облагался 3 %-ной пошлиной фискального значения. Зато с целью стимулирования национального производства были наложены высокие пошлины на промышленное сырье, а вывоз шерсти запрещался вообще. Российское дворянство было очень недовольно подобной политикой.

По замыслу Посошкова активная протекционистская политика государства должна была создать благоприятные условия для роста отечественной промышленности. Это заложило бы основы для изменения структуры русского экспорта. В нем, по мнению экономиста, должна преобладать готовая промышленная продукция. Но подъем российской промышленности Посошков связывал с серьезными изменениями в сельском хозяйстве. Все упиралось в решение аграрно-крестьянского вопроса.

5. Аграрно-крестьянский вопрос

В "Книге о скудости и богатстве" много описаний бедствий русского крестьянства, которое составляло подавляющую часть населения страны. "Небрежение" земледельцев в России оборачивалось скудостью, а не "изобильным богатством". Посошков привел характерное высказывание тогдашних дворян о своих земледельцах: "крестьянину не давай обьрости, но стриги его яко овцу до гола" [3. С. 177]. Этот принцип хозяйствования экономист считал совершенно неприемлемым.

Посошков подходил к рассмотрению "земельных дел" с общегосударственных позиций. Его многосту-

пенчатый проект аграрных преобразований включал не два, а три заинтересованных "субъекта" – государство, дворянство и крестьянство.

Есть достаточно обоснованное мнение, что "Посошков, будучи сам владельцем крепостных, остается в своих проектах в отношении крестьян на почве крепостного права" [37. С. 104]. К этому в определенной мере близка и другая точка зрения, согласно которой мыслитель "не выступал против основ крепостного права как системы. Он не был идеологом угнетенного крестьянства". Однако историк экономической мысли словно оговаривается, считая, что осуществление посошковской аграрной реформы приведет к "неполной крепостной зависимости" [32. С. 348, 347]. "Оговорка" эта крайне существенна для понимания "аграрных" идей Посошкова.

Чтобы понять противоречивое отношение Посошкова к крепостничеству, необходимо обратиться к некоторым общетеоретическим положениям мыслителя. Посошков связывал решение аграрных проблем с увеличением "царского сбора". Он обращал внимание Петра I на то, что в России огромные пространства земли дают слишком мало для казны. Поэтому должен быть "учинен платеж по ней и самой малой, чтоб лизше никто на ней даром не жил..." [3. С. 20]. Посошков как бы подсказывает царю: земля постоянный и богатейший финансовый ресурс государства и этим необходимо воспользоваться. Поэтому мыслителю необходимо было дать обоснование притязаниям государства на все земли.

В одном из черновых вариантов Доношения Петру I о книге дается совсем иное название главы "О земельных делах" – "О землевладении безгреш-

ном" [3. С. 314]. Концепция "землевладения безгрешного" позволяет пролить свет на крестьянские черты идеологии Посошкова, которые даются в неявном виде, "растворены" среди прочих идей.

Посошковская идея равенства всех сословий перед царем и его законом имеет и другое истолкование. Самодержец российский вправе заставить всех людей – "своих природных рабов" – служить ему, в том числе платить подати [3. С. 79]. Для обоснования этого Посошков объявляет Петру I, что он является верховным собственником земли в России. Поэтому он может не только пересматривать "службы" сословий, но и, переверстав все земельные угодья, переменить их владельцев.

Столь неограниченные полномочия власти, которые Посошков хотел предоставить Петру I, должны были облегчить осуществление одной принципиальной идеи – введения всеобщего поземельного налога, не только с крестьян, но и с других "чинов". А для этого необходимо все "дворы измерять и платежом обложить, дабы на земле его царского величества никто даром не жил" [3. С. 196]. Посошков крайне заинтересован в увеличении финансовых ресурсов абсолютизма и надеется, что если "великий наш монарх обложить со владения земли имать платеж, то никто по нынешнему туне (бесплатно. – Д.П.) жителем не будет, но вси будут платужники по количеству владения своего" [3. С. 196].

В последней главе книги Посошков проводит идею всеобъемлющего вмешательства абсолютистского государства в жизнедеятельность его подданных. "Яко бог всем светом владеет, – заключает он, – тако и царь в своем владении имеет власть..."

[З. С. 219]. "Земля – божья", по-крестьянски рассуждал Посошков, и как "наместник Бога" Петр I вправе распоряжаться и землей, и живущими на ней людьми. Подобное толкование полномочий власти понадобилось Посошкову для обоснования "законности" всех предложенных им реформ, и особенно аграрной. Ведь она касалась экономических интересов дворянства – первого сословия России.

Посошков на протяжении всей книги доказывает идею примата государственного интереса перед дворянскими. Более того, в заочной полемике с дворянскими идеологами он сомневается в вечности прав дворянства на землю и крестьян. Причем впервые в истории общественной мысли для доказательства своей правоты он и привлекает исторические факты. "Крестьянам помещики, – писал Посошков, – не вековые владельцы... а прямой им владелец всероссийский самодержиц, они владеют временно" [З. С. 178]. Кроме того, "под всеми ими (помещиками. – Д.П.) земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время". Посошков различал даже право ("волю") царя на землю "большую" и "вековую", а у дворян – "меньшую" и "временную". А раз так, то "и землю без платы не можно им (помещикам. – Д.П.) владеть" [З. С. 222].

С другой стороны, крестьяне в книге Посошкова фигурируют не как землепользователи, а как землевладельцы – наравне с помещиками [З. С. 166, 170, 178 и т.д.]. В "Книге о скудости и богатстве" нашло свое отражение обычное крестьянское правосознание. Через весь период крепостного права "русские крестьяне пронесли убеждение в своем праве на обрабатываемую ими землю..." [З. С. 32]. Вот поче-

му Посошков, провозглашая государственную собственность на землю, предлагал Петру I согласиться с вечным правом крестьян на свою землю. Как бы от имени всех крестьян он выдавал царю "мандат" на владение "всем светом" при условии оставить за земледельцами их пашни.

Какие же изменения в положении дворянства и крестьянства сулила грандиозная реформа, задуманная Посошковым? Узловым пунктом преобразований должно было стать крестьянское хозяйство. На начальном этапе реформы государству необходимо было добиться такого состояния "домового внутреннего богатства" всех крестьянских семей, чтобы "сносно было государеву подать и помещику заплатить и себя прокормить без нужды" [З. С. 178]. Чтобы решить эту триединую задачу, необходимо было пойти на определенное ущемление дворянских интересов.

По мнению Посошкова, помещичьи "насилия", "небрежения" и крестьянская "леность" — основные причины оскудения земледельцев. Но выход из положения видел не в ужесточении крепостничества, а в реорганизации барского хозяйства. Посошков выдвигал смелую идею о необходимости установить все государственные подати и феодальные повинности крестьян "по владению земли" [З. С. 166]. Необходимо было добиться того, чтобы дворяне на основе этого принципа "подать свою (оброк. — Д.П.) и работу (барщину. — Д.П.) налагали" на земледельцев. Посошков просил царя ограничить дворянский произвол в отношении крестьян. С другой стороны, должна была измениться роль помещика в деревне. Он должен присматривать за крестьянами, чтобы они не "лежебочили", а всегда были в работе,

реже гуляли, ведь "изгулявшийся" крестьянин "уклонится в разбой и во иныя воровства" [3. С. 166].

В чем же смысл помещичьего "присмотра" над крестьянами? Б.Б.Кафенгауз считал, что подобного рода суждения Посошкова совершенно в духе дворянских публицистов, "которые в интересах помещиков предлагали систему мелочной опеки над крестьянами и также не доверяли собственному разуму крестьянина" [37. С. 113]. На самом деле речь идет совершенно об ином. Посошков настаивал на введении своеобразного "дворянского присмотра" над крестьянами, чтобы последние получили "прибыток", разбогатели. Он ставил перед дворянством новую экономическую задачу – способствовать росту крестьянского благосостояния. И не случайно он предлагал ограничить крестьянские повинности, что в определенной мере "развязало" бы крестьянам руки. Это заметно активизировало бы труд крестьянина в своем хозяйстве. Кроме того, в случае отсутствия "пожиточной" работы на дворе земледельцу разрешались отходничество и работа по найму.

Идеи крестьянского "домостроительства" вновь и вновь занимают Посошкова. Его крайне беспокоило тесное и пожароопасное расположение крестьянских дворов в русской деревне. Он приводит свой "чертеж" деревенского поселения, советует "строить пространнее и не сплош двор подле двор, но с переступкою, гнездами, и улицы сделать широкия...", просит царя издать указ помещикам о перестройке крестьянских дворов "по два двора вместе, да два промешка меж дворами порожьжие..." [3. С. 168, 169, 170].

Посошков считал, что забота дворян о крестьянах должна стать разновидностью их государст-

венной службы, так как "крестьянское богатство – богатство царственное". А поскольку помещики владеют крестьянами временно, то царь должен взять под защиту крестьянские интересы. Он советовал созвать своего рода общий совет дворян, который должен подготовить царю доклад. На его основе будет издан царский указ, "по чему... с крестьян оброку и иного чего имать и по колику дней в неделе на помещика своего работать и иного какого изъеделья делать..." [З. С. 178]. Это было крайне важно, поскольку речь шла не просто о помещичьем произволе, а об ограничении его крепостнической формы, основанной на внеэкономическом принуждении. Не случайно Посошков подчеркивал, что чрезвычайные повинности, основанные на дворянском произволе – основная причина крестьянских побегов: "есть такие безчеловечные дворяня, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что съработать" [З. С. 177]. Предлагая царю с помощью "дворянского совета" упразднить эти одиозные формы принудительного труда, Посошков "попадал" в самое сердце тогдашней крепостнической системы.

По замыслу Посошкова, в основу новой разверстки феодальных повинностей следует положить количество земли, которой реально владеет каждый крестьянин. Для этого он предлагает установить особую тягловую единицу – "целый двор пашни". В царском указе о крестьянских повинностях следует предусмотреть разные размеры крестьянских угодий – "полудвор пашни", "четверть двора" и его "осмая доля". Главное – объем повинностей должен строго соответствовать размеру крестьянской пашни, и чтобы "никакой помещик сверх уреченно-

го числа ни малого чего не требовал...". Таким образом, крепостнические функции дворян сводились до минимума [З. С. 178, 179].

Критикуя сложившуюся практику крепостнических отношений в русской деревне, Посошков резко отрицательно отнесся к введению подушной подати. "А и во исчислении душевном не чаю ж проку быть, – замечает он, – понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены неимущая, надлежит ценить вещи грунтовальные". Не оправдывал Посошков и старой системы подворного обложения, так как не ясно, "по чему числить двор крестьянский", по воротам ли с изгородью или дыму от избы. Он предлагает Петру I другой критерий выделения единицы налогообложения – царю "надлежит прямо неподвижной прибыли искать" [З. С. 179]. Так мыслитель подошел к одной из своих фундаментальных идей – идеи подоходного налога с земли, которая имеет владельца и обрабатывается.

Понимание государственного поземельного налога как определенной "неподвижной прибыли", изымаемой из крестьянского хозяйства, приводит Посошкова к идее углубления аграрной реформы. Настоящей единицей податного обложения может быть не просто "двор пашни", а крестьянская земля "по засеву" [З. С. 180].

Полагая, что обогащение земледельцев будет идти неравномерно, Посошков выделял из их массы зажиточный слой. В условиях углубления аграрной реформы крестьянам необходимо разрешить брать "в наем" (в аренду. – Д.П.) земли соседних помещиков. Посошков составляет целое "расписание" взаимоотношений крестьян и помещиков: арендо-

ванную землю "к дворовому числу не причитать и государевой подати никакой с той наемной земли не платить, потому что с тое земли будет платить помещик, который тою землею владеет. Такжеде и помещику своему ничего ж с тое пашни не платить же, а платить тому помещику по договору денгами или снопами..." [З. С. 181]. Посошков описывает Петру I тот случай, когда у помещика мало земли. Можно предположить, что он косвенно высказывался за перестройку барского хозяйства вообще. Это подтверждают и другие его высказывания, связанные с идеей "найма земли". "И буде кой крестьянин и богат, — подчеркивает мыслитель, — то бы он пустоши нанимал, да хлебом бы насевал и тот излишней хлеб продавал бы..." [З. С. 117]. Но главным свидетельством серьезных намерений Посошкова реорганизовать поместное хозяйство является его стремление произвести раздел земли между помещиком и крестьянами.

Считая, что дворяне и крестьяне имеют равные права на землю перед государством, Посошков стремился доказать, что наиболее полная реализация в налогообложении принципа "неподвижной прибыли" возможна только при определенных изменениях аграрного строя русской деревни. Они должны привести к появлению земельных доходов не только у помещиков, но и у крестьян. А это возможно только при выделении крестьянского хозяйства из поместной системы. В главе "О земельных делах" Посошков предлагает не просто размежевание земель, призванное разрешить все споры. Он рекомендует Петру I решиться на революционный по тем временам шаг — вовсе отделить крестьянские земли от помещичьих и закрепить их за земледель-

цами: "с тоя земли, коя отъделена будет к крестьянским дворам... и того ради та земля за помещиками и числить не надлежит" [З. С. 193]. Чтобы убедить царя в этом, Посошков провел огромную предварительную работу. Вначале он демонстрирует Петру I очень доходную для государства новую налоговую систему, затем подводит монарха к идее организации новых форм производства, без которых новые налоги неосуществимы. Но новые формы производства возможны только при разделе земли. Зачем Посошкову понадобилась эта "обратная логика"? Он как бы "покупает" у царя аграрные реформы, легализацию крестьянского хозяйства за высокие, по его мнению, подходящие налоги с земли.

К сожалению, Посошков не оставил нам указаний, как конкретно должен происходить раздел помещичьей земли. Но экономические связи между дворянами и крестьянами он сохранял. Помещик, "видя коего крестьянина семьяниста и лошадеиста, даст ему земли со удовольствием" [З. С. 181]. Оплата этой аренды может быть натуральной или денежной. Натуральная аренда – типичный пережиток старой барщинной системы. Другая форма аренды – это уже фермерская аренда. Обе аренды, представленные Посошковым, носят предпринимательский характер и могут представлять последовательные стадии капитализации богатого крестьянского хозяйства. В условиях натуральной аренды могли еще сохраняться определенные отношения личной зависимости крестьян от владельцев земли, но вторая форма аренды уже исключает их полностью.

Концепция "землевладения безгрешного" предполагала и упразднение налогового иммунитета

дворян. "И ради охранения крестьянского от помещиков их, — писал Посошков, — надлежит и в помещичьих поборах учинить по земле ж и чтоб болши положенного окладу отъют на крестьян своих не накладывали" [3. С. 181]. Если о размерах земли, оставленной за помещиками, можно только предполагать, то в отношении государственного "тягла" экономист полностью уравнивает положение дворян и крестьян.

Постепенное упразднение крепостнических форм в деревне, которое по существу предлагал Посошков, не соответствовало тем тенденциям развития помещичьего хозяйства, которые прослеживаются в первой четверти XVIII века. Оживление российской экономики в петровский период коснулось и сельского хозяйства. Продолжалось освоение новых земель, распахивались и пустоши. Расширение и углубление рыночных отношений оказали противоречивое влияние на крепостнические поместья. Их товаризация вызывала в некоторых случаях "расширение помещичьей запашки и сокращение крестьянских наделов. Такое сокращение наблюдалось и в предшествующее время, но в первой половине XVIII в. оно приняло, вероятно, большие размеры" [56. С. 53–54].

Помещичий произвол был безграничен в отношении личности и имущественных прав крепостного. Абсолютистская власть рассматривала "пожитки" крестьян как дворянскую собственность. Например, долги промотавшегося дворянина кредиторы могли взыскать за счет имущества его крепостных. Чиновники могли провести конфискацию крестьянского имущества в деревне дворянина, не вернувшего излишнее жалованье государству [15. Т. 5. № 3078].

Крепостничество в России в XVIII веке приняло, по замечанию В.И. Ленина, наиболее грубые формы и "ничем не отличалось от рабства" [2. Т.39. С. 70]. Широко практиковалась торговля крепостными крестьянами. Петр I вынужден был даже издать в 1721 г. указ, выражающий недовольство, что дворяне продают крестьян "как скотов", врозь от их семей, "от чего не малой вопль бывает". Однако самодержец не решился твердо указать помещикам относительно их бесчеловечных действий. Он ограничился предложением изменить существующий порядок при составлении нового Уложения, разрешая продажу крепостных, но только целыми семьями [15. Т. 6. № 3770]. "Розничная торговля" крестьянами не была отменена, она усилилась с введением подушной подати – нового крепостнического института.

В условиях определенного нарастания крепостнических тенденций экономического развития требования Посошкова выглядели для своего времени крайне радикально. Он предложил Петру I – первому помещику России – аграрный проект, при осуществлении которого началось бы изживание крепостничества в стране. Планируя аграрную реформу, Посошков надеялся на мощные и относительно независимые рычаги абсолютистской власти, которая из собственной выгоды могла пойти на определенное ущемление прав дворянства.

6. "О царском интересе"

План осуществления экономических преобразований не мыслился Посошковым без существенного оздоровления финансовой системы государства.

Причем почти все реформы в той или иной области хозяйства мотивируются для Петра I будущим ростом "царского интереса" – государственного дохода. "Царский интерес" – это часть "изобильного богатства". Таким образом, производство государственного дохода – одна из целей деятельности хозяйствующего субъекта. В таком случае абсолютистское государство несет ответственность за условие его деятельности. Именно идея "царского интереса" позволила Посошкову разработать концепцию обновления России с помощью всеобъемлющего вмешательства государства в экономику страны в целях ее перестройки.

Посошков как бы убеждает царя: финансовые проблемы государства можно решить – необходима только воля правителя. "Он, наш государь, – пишет он, – подобен богу, еже воззовет, может сотворити и казну свою может со излишеством наполнити и никакая нужда денежная коснуться его не может" [3. С.209]. Итак, идеальная финансовая система связывается с "изобильным богатством" царской казны.

Посошков был прекрасно осведомлен о финансовых трудностях государства, связанных с продолжительной русско-шведской войной. Бремя военных расходов заставляло правительство изыскивать всевозможные способы выкачивания денег из податного населения. Было придумано и введено более 30 различных налогов. Появились так называемые прибыльщики – лица, выдумывавшие для царя всевозможные налоги: прямые и косвенные, обычные и чрезвычайные [77. С. 340]. Немалый доход приносила и "монетная операция", связанная с перечеканкой денег в более легковесные монеты.

Определенную роль в доходах администрации играли казенные монополии на ряд товаров и торговые пошлины. Но как ни велики были финансовые ресурсы страны, война все же основательно истощила и их. Особенно страдало "тяглое" население – посадские жители и крестьянство.

До введения подушной подати единицей налогообложения был крестьянский двор. С целью упорядочения податной системы в 1710 и 1717 гг. администрация провела переписи сельских дворов и населения. Результаты оказались не очень утешительными для правительства: при сокращении количества дворов произошло увеличение числа душ в одном дворе (с 3,5 до 5,5) [78. С. 262]. Крестьянские семьи не хотели делиться, боясь попасть под налоговый пресс государства.

Прежние источники дохода были использованы петровской администрацией до предела. Необходима была коренная реорганизация всей налоговой системы. Еще в 1717 г. Петр I предлагал ввести для посадского населения – "поголовщину по городам, как то во всем свете ведется (кроме деревень)..." [15. Т. 5. № 3080]. Лишь после окончания Северной войны в 1722–1724 гг. правительство вновь вернулось к этому вопросу. Была проведена перепись мужского податного населения, включая младенцев и "всяма дряхлых, увечных и дураков" – лиц, которые "пропитания о себе никакого не имеют" [15. Т. 6. № 4068]. В дальнейшем вышел закон, определивший размеры "поголовщины" – 74 коп. с крестьянской "души" и 1 руб. 20 коп. с посадского "тяглеца" [15. Т. 7. № 4533]. Предполагалось, что с помощью новой подати государственные доходы возрастут в несколько раз. Но с самого начала государству не удавалось

собирать запланированную сумму. В первый же год недоимки составили 30% от оклада [55. Ч. 2. С. 111]. Но главное, государство совершенно не учитывало тягловые возможности населения: при раскладке налогов все без исключения крестьяне были приведены к одному общему знаменателю – "податной душе". Дворянство и духовенство были освобождены от платежа "поголовщины".

Тем не менее доходы государства за 45 лет (1681–1725 гг.) выросли "в сопоставимых ценах в 2 раза" [85, С. 294]. Основную часть государственных доходов в 1724 г. составляли подати (87,4%), в которых доля прямых налогов была 55,3%. Эксперименты петровской администрации в финансовой области не только не дали желаемых результатов, но и привели к негативным результатам. Так, при введении подушной подати разорение "тяглого" населения привело к недоборам и по другим статьям налогообложения [55. Ч. 2. С. 110].

В "Книге о скудости и богатстве" Посошков первым в истории отечественной мысли выступил с развернутой критикой крепостнического института "поголовщины". Его критические замечания относительно податной реформы 20-х годов есть почти во всех главах трактата. Посошков отвергал принцип "сбора и казны" любой ценой – лишь бы богато государство. Он использует любую возможность убедить Петра I в том, что нормальная налоговая система государства не должна носить автономный, самодовлеющий характер, иначе она станет большим препятствием для обогащения как государства, так и его подданных.

При построении правильной налоговой системы необходимо, по мнению Посошкова, соблюдать два

важных принципа. Во-первых, "паче собрания (налогов. – Д.П.) надлежит... людей от разорения соблюдати, то оное собрание и споро и прочно будет". Во-вторых, необходимо сохранение собранных налогов, "аще бо охрани где не будет, трудно тут собирателю собирати" [З. С. 200].

Проблема правильного выбора объекта и единицы податного обложения ставится Посошковым уже во введении книги. Он замечает, что "земля самый гобзовитый (изобильный. – Д.П.) данник" царя. И если Петр I обратит на это внимание, то в отношении дохода "никогда измены бы ему не было" [З. С. 20]. Податная реформа, предложенная Посошковым, тесно связана с его проектом аграрных преобразований. Он выдвинул передовую для того времени идею всеобщего поземельного налога, при этом особо выделив подоходные налоги с владельцев обрабатываемой земли.

Для проведения налоговой реформы Посошков предложил царю провести своего рода всеобщую земельную перепись для всех сословий [З. С. 196] и по ее результатам определить размеры налогов. В этих условиях крайне важно было проведение аграрной реформы, поскольку новая фискальная система предполагала выделение крестьянского хозяйства в самостоятельную ячейку производства. Планируемый Посошковым подоходный налог по обрабатываемой земле ("по засеву") по существу санкционировал частную собственность и помещика и крестьянина. Посошков был крайне заинтересован в росте частнособственнических стимулов труда. Он предполагал, что аграрная реформа, легализирующая крестьянскую собственность, несомненно, приведет к улучшению

агрикультуры, росту урожайности. А возросший экономический потенциал крестьянских хозяйств позволит многим земледельцам арендовать землю у помещиков.

Всеобщая земельная перепись, по мнению Посошкова, должна коснуться всей земли государства, даже городской. Экономист рекомендовал Петру I "учинить сбор" не только с сенокосных и болотных земель, но и "диких поль и глухих лесов". Но "если помещики от болот откажут, то описать их за государем и отдавать их из приказу на оброк охочим людям" [З. С. 199, 196, 195].

Посошков советовал царю серьезно заняться земельными делами государства. Мысль о введении всеобщего поземельного налога привела экономиста к идее учета и описания земли, т.е. земельного кадастра. Для него очень важно выявление не только пустошей, но и утаенных земель [З. С. 194].

В "Книге о скудости и богатстве" нет количественных данных об уровне налогообложения, хотя Посошков считал, что налоги не должны разорять людей, в первую очередь крестьян. Планировалось значительное увеличение налогового сбора государства. Это должно было произойти за счет изменения объекта налогообложения и расширения расписания тяглого населения. Под посошковские подати попадали не только все земли, но и все "чины" (в том числе дворяне).

Крестьяне должны, по мысли Посошкова, платить государству не просто поземельный налог, а налог с обрабатываемой земли. Согласно схеме распределения вновь произведенного продукта ("прибытка") "царский интерес" составляет только часть той большой доли, которую работник произ-

водит не для себя (см. 4. настоящей главы. – Д.П.). Таким образом, подоходный налог – не просто лишь средство наполнения царской казны, но могучий инструмент стимулирования производственной деятельности.

Посошков подошел к идее стабильного норматива не только для подоходного налога с земледельцев, но и "земляных сборов" с других "чинов". Советовал иметь "царский интерес" и с пустующих земель, болот и лесов. Остается предположить, что если экономист заявлял о денежном характере "сборов" при твердой цене на хлеб, то стимулировать рост урожайности в сельском хозяйстве мог только налог, представляющий собой фиксированную часть дохода земледельца. Переводя это в терминологию Посошкова, умножение "царского интереса" означало бы постоянное увеличение "прибытка" – вновь произведенного продукта – и соответствующий рост его составных частей, а значит, и доходов государства.

Новая налоговая политика, предложенная Посошковым, превращала "земляной сбор", прежде всего подоходный налог, в основной финансовый ресурс государства. С помощью гибкой налоговой политики он надеялся не только заметно оживить сельское хозяйство, но и осуществить некоторую перекачку денежных средств из аграрной сферы хозяйства в промышленность и торговлю. Посошкова экономическая политика носила черты меркантилизма. Он поставил вопрос о создании кредитной системы для развития промышленности, поднял проблему субсидирования мануфактурного строительства. Борьба за выгодные условия в торговле с иностранцами могла затянуться, и Посошков

предлагает давать "маломочным" купцам ссуды (см. 5 настоящей главы. – Д.П.).

Но "земляной сбор" представляется не единственным из доходов абсолютистского государства. При Петре I, например, процветали так называемые "канцелярские сборы". В бюджете 1724 г. было сорок разновидностей этих сборов – постоянные, конские, водопойные, "пчелные", банные, мельничные и т.д. Посошков назвал эти сборы неприличными для царского величества: от них "токмо людям турбация (беспорядок. – Д.П.) великая, мелочной збор, мелок он есть" [З. С. 209].

Внешняя торговля, считал Посошков, – важный источник пополнения казны. Будучи сторонником жесткого протекционистского курса, он предлагает Петру I и соответствующий таможенный тариф. Этот тариф отличался высокими пошлинами на вывозимые из России сырье и продукты сельского хозяйства: с "дерева" мачтового леса – 10 руб., с берковца * юфти ** – 5, смолы и сала – 4, льна и пеньки – 3 и хлеба – 1–1,5 руб. "Таможенный" проект предусматривал учет "отпускной пошлины". Продажная цена товара для иностранцев складывалась из "истинной цены", которая была у всех купцов единой при одном качестве изделия, и "накладной" пошлины, точно соответствующей "отпускной" [З. С. 218]. В таком случае задача таможенной службы заключалась в инструкции купеческой компании включить "отпускную пошлину" в товарную цену, а ее сумму получить непосредственно от отечественных купцов.

Подобная внешнеторговая политика диктова-

* Берковец – 10 пудов, 160 кг.

** Юфть – кожа крупного рогатого скота, выделанная: помощью чистого дегтя.

лась не только фискальными соображениями. Таможенный тариф, предложенный Посошковым, должен был содействовать росту российской промышленности. Точка зрения экономиста, что Россия должна вывозить в основном не сырье и полуфабрикаты, а готовую продукцию, определенным образом расходилась с правительственной политикой. Дело в том, что лес и смола, сало и кожа, пенька и лен, а также хлеб составляли важнейшие статьи русского экспорта в тот период. Таможенный тариф 1724 г. установил на эти продукты низкие вывозные пошлины [15. Т. 45. Книга тарифов].

Ухудшение финансового состояния государства побудило Посошкова еще в 1718 г. написать Петру I "Доншение о новоначинающихся деньгах". Текст проекта не сохранился, но его содержание излагается в книге. Новые низкопробные деньги, по мнению Посошкова, очень "к воровству способны и самое денежным ворам (фальшивомонетчикам. — Д.П.) предводительство будет" [3. С. 235]. Поэтому первой мерой, направленной на улучшение денежного обращения, должно стать изъятие из оборота "сумесных", т.е. "смешанных", денег.

Посошков считал, что только абсолютистская власть, "самый властительный и вцелый (самодержавный. — Д.П.) монарх" — Петр I вправе определять все, что касается выпуска денег. Если он повелит хоть "на медной золотниковой цате (монете. — Д.П.) положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала во века веков неизменно" [3. С. 239]. Экономист был представителем номиналистической, или государственной, теории денег в России. Государство обладает суверенным правом устанавливать ценность металлических

денег, проводить денежные реформы, осуществлять прибыльную "порчу" монет.

Нельзя категорически утверждать, что Посошков был чистым номиналистом. Он определенным образом признавал бытовавшую на Западе товарно-металлическую теорию денег. Экономист отмечал, что "иноземцы в своих иноземных денгах сличают цену по положению в них метариалу (т.е. металла. — Д.П.), а не по власти королевской, они паче почитают серебро и медь" [З. С.237]. Кроме того, появление низкопробных монет в обращении снизило покупательную способность рубля и во внешнеторговых операциях. Это признает и сам Посошков, когда пишет об иноземных купцах, которые, назначая высокие цены, "в причину поставили русские наши денги ..." [З. С. 124].

В этих условиях Посошков предлагает царю мероприятия, которые, на его взгляд, оздоровят денежное обращение и будут соответствовать "престижу" самодержавия. Выпуская новые деньги, государство должно поднять пробу металла в денежном материале: все "серебряные денги привести серебром в древнюю чистоту или и паче, чтоб денежнаго серебра ни в каковых вещах лутче не было". А при чеканке медной монеты "медь подобает полагати самую чистую без всякого примеса ..." [З. С. 236, 237].

Посошков советовал Петру I "серебряные все старые дробные копейки переплавить на костях насухо и переделать их в полтинные и рублевые монеты" [З. С. 241]. Изъятые из обращения фальшивые, "сумесные" деньги и серебряная мелочь должны быть заменены легковесными медными монетами. Государству гарантировалась огромная при-

быть от денежной операции: 10 тыс. пудов меди, по расчетам Посошкова, при чеканке должны принести казне 1840 тыс. руб. чистого дохода.

По мнению экономиста, новые полновесные серебряные монеты "надлежит в торгах русских иметь, за рубежи... отнюд их не отпускать, за рубежи одни токмо червонцы отпускать" [З. С. 238]. Укрепление паритета серебряного русского рубля связывалось с меркантилистической политикой запрета на вывоз благородного металла за рубеж. Борьба Посошкова за восстановление серебряного рубля прямое признание важности "металлического" содержания денег. Поэтому он в определенной мере противоречил себе, когда заявлял, что главное – "имянование" на монетах его царского величества. Предложенная им практика денежной реформы показывает, что содержание металла в деньгах играет не последнюю роль.

7. Особенности идеологии: попытка обобщения

Анализ экономических взглядов Посошкова позволяет сделать вывод о неоднозначной природе его мировоззрения. В посошковской экономической стратегии обновления России действуют многоцелевые установки, связь между которыми установить подчас трудно. Тем не менее "Книга о скудости и богатстве" – цельное сочинение, и между отдельными проектами существует органическая связь.

В работах советских исследователей 30–50-х годов Посошков прежде всего идеолог купеческо-

го сословия, а также представитель меркантилизма в России. Б.Б. Кафенгауз считал его представителем "среднего купечества, охваченного в... беспокойную эпоху лихорадочной предпринимательской деятельностью и строительством мануфактур" [37. С. 73]. Впоследствии ученый сделал очень важное добавление к характеристике экономических взглядов мыслителя, считая, что "последний с наибольшей яркостью выразил интересы нарождающегося купечества и частично отразил нужды крестьянства" [56. С. 629]. А.И. Пашков полагал, что русский экономист "не был идеологом угнетенного крестьянства", а все его планируемые аграрные преобразования направлены исключительно на ослабление помещичьего гнета и налогового пресса государства [32. С. 348]. Даже эти точки зрения, ставшие в определенной мере эталонными в науке, показывают сложность его экономических идей.

"Книга о скудости и богатстве" – непрерывный диалог, часто спор ее автора с Петром I, попытка убедить царя в необходимости новых, более глубоких реформ. Посошков как бы на время превращается в крестьянина и ремесленника, купца и предпринимателя, представителя администрации и простого солдата. Поэтому при чтении трактата обращает на себя внимание своеобразная "полифония" его экономических взглядов. От главы к главе нарастает представление о непрерывной "инверсии" его идеологии.

Удивительно это "многоголосие" экономических идей. Часто создается впечатление, что Посошков вел записи того "многонародного совета" России, который он предлагал учредить Петру I. При чем он старается воспроизвести в книге "вольный

голос" почти всех сословий и "чинов", кроме поместного дворянства.

"Книга о скудости и богатстве" – некий "собор" идей, чаяний и пожеланий русского народа. Однако у этого "многоголосия" есть автор, который и произвел отбор "голосов", написал для каждого из них особую "партию", выражающую как общесословные, так и групповые интересы.

Проводя идею равенства всех перед царем и законом, Посошков просит Петра I в равной степени прислушиваться к "вольному голосу" любого сословия. Мыслитель считал это основным принципом государственного общежития. Государство – тот же большой дом, где у каждого свои определенные обязанности. И его благополучие и процветание зависят от согласия (у Посошкова – "любви") всех живущих в нем людей. Правитель – глава такого дома, отец "семьи сословий". Согласно "Домострою" в семье все должно строиться на повиновении ее главе. Так и в государстве – все люди беспрекословно подчиняются царю [12. С. 74–77, 88–89, 92–97]. Патриархальные порядки, поддерживаемые "Домостроем", Посошков распространял на все государство. Однако мыслитель не останавливался на полпути. Монархии, "замиряющей" сословия, необходимо быть не только политической, но и материальной силой. А для этого ей необходимо провести такие экономические реформы, которые не только обогатят сословия, но и создадут мощное государственное хозяйство. По мнению Посошкова, это еще больше поднимет авторитет царской власти.

Автор "Книги о скудости и богатстве" – один из самых ярких представителей идеологии абсолю-

тизма в XVIII веке. Каковы же основные черты абсолютистской экономической стратегии Посошкова? Важно выяснить, как его экономические проекты способствовали бы перегруппировке социальных сил, а в конечном счете и изменению характера российского абсолютизма.

Решающие изменения должны были произойти в земельном "устроении" России. Как правило, исследователи рассматривают лишь один из этапов аграрной реформы: регламентацию крестьянских повинностей. Между тем прелюдией к установлению "землевладения безгрешного" должна стать отмена такого крепостнического института, как подушная подать. Эта реформа, безусловно, выражала бы чаяния всего крестьянского сословия. Введение поземельного налога и с крестьян, и с дворян уравнивало их перед государством. Планируемое ослабление феодальных повинностей должно было, по замыслу "прожектера", заметно укрепить крестьянские хозяйства и подготовить их к началу самостоятельной хозяйственной деятельности. Посошков в своих предложениях Петру I идет на нарушения не только дворянской монополии на землю, уравнивая права помещиков и крестьян, но и заявляет царю о временности крепостного права. Самым ярким свидетельством того, что мыслитель выступал за изживание крепостничества в России, стало его предложение о введении в деревне предпринимательских форм крестьянской аренды земли у помещиков. Зажиточные крестьяне имели право брать "землю в наем" у соседних помещиков, что, безусловно, предполагало другой, не крепостнический статус русского крестьянина.

Однако "крестьянский срез" идеологии Посош-

кова по-своему сложен. Его идеи выражали требования всех крестьян, выступающих против наиболее жестоких форм эксплуатации, за упразднение хотя бы "наиболее кричащих имущественных различий" [1. Т. 7. С. 362]. В книге слышен "вольный голос" крестьянства, требующего ограничения крупного феодального землевладения и прекращения экспансии барщинного хозяйства. Но взгляды крестьянской массы неоднородны. Это связано с "двуликостью" крестьянина как мелкого производителя.

Посошков словно от имени крестьянства предлагал самодержавию сделку. Аграрная реформа, создающая благоприятные условия для развития крестьянских, и в первую очередь зажиточных, хозяйств, будет "оплачена" налогами из возрастающего крестьянского "прибытка". Таким образом, он выступает как очень своеобразный идеолог "крестьянской монархии", не патриархальной, а абсолютистской власти будущих зажиточных слоев деревни.

Посошков заметно "обогастил" крестьянские представления о хорошем и справедливом правителе. Вековые мечты крестьян о "народной" монархии без посредников между царем и народом получили новые, совершенно неожиданные формы выражения. Они были поставлены на твердую почву экономического интереса и взаимной выгоды. Но чистой "народной" монархии у Посошкова так и не получилось.

По мнению Посошкова, глубокие реформы в деревне должны вызвать подъем сельского хозяйства России. На завершающем этапе аграрной реформы он предусматривал определенную капитализацию

сельского хозяйства. Предполагая появление капиталистических элементов в деревне, Посошков советовал царю создать соответствующие условия для перехода зажиточных крестьян в купечество. Российская деревня представлялась ему не только основным финансовым ресурсом абсолютизма, но и одной из сфер буржуазного развития страны.

Абсолютизм должен создать условия для развития промышленности и торговли. При этом обращает на себя внимание настойчивая забота Посошкова о "мелких" промышленниках и "маломочных" купцах. Он считал, что государство должно покровительствовать не только мануфактуристам ("фабриканам"), но и предприимчивым людям, изобретателям новых отраслей промышленности — "вымышленникам". Причем эти люди должны иметь не только пожизненный патент на свой "промысел", но и пользоваться такой поддержкой государства, которая позволила бы им с помощью субсидий превратить мастерскую в мануфактуру. В дальнейшем государство должно организовать новым мануфактуристам кредиты под основной и оборотный капитал. Посошкова очень занимала идея "выращивания" государством крупных предприятий: от "вымысла" нового дела через "открытую" форму цеховой организации ремесленного производства до небольших, а затем и крупных мануфактур. Причем мыслитель предлагал Петру I поднять в ближайшее время те отрасли русской промышленности, сырье для которых уходило за границу. Посошков ставил вопрос об определенном изменении хозяйственной ориентации России в европейском сообществе.

Современник Посошкова дворянин Ф.С. Салтыков, побывавший в Англии, в своих "прожектах" Петру I советовал вывозить и сырье, и готовую продукцию. Посошков категорически выступает за преобладание готовых изделий. Эта идея находит свое полное выражение в особой форме политики меркантилизма, которую предлагал осуществить экономист. Он настаивал даже на определенном, временном прекращении внешнеторговых связей с теми государствами, купцы которых не идут на уступки при заключении торговых сделок, выгодных для России. Временная "самоизоляция" России должна способствовать перестройке народного хозяйства – в первую очередь подъему обрабатывающей промышленности, которая должна начать активную переработку отечественного сырья. Но подъем этой отрасли зависит от развития сельского хозяйства и добывающей промышленности, где производился сырьевой "прибыток" страны.

Этот своеобразный, "изоляционистский" меркантилизм – характернейшая особенность идеологии Посошкова. Другой чертой меркантилистической доктрины является идея активного проникновения русских товаров на европейские рынки. Основным инструментом торговой экспансии – массовый вывоз более дешевой продукции. Например, он мечтает "наполнить" стеклянной посудой другие государства и "наготовить" на всю Европу полотен [З. С. 124. 147]. План Посошкова прост – вначале защита национальной промышленности от иностранной конкуренции, ее подъем, а затем победоносные "торговые войны" уже на континенте.

Сейчас можно смело сказать, насколько глубоко понимал Посошков проблемы хозяйственного

развития России. Выход страны к Балтийскому морю и налаживание экономических связей с европейскими странами оказали глубокое влияние на ее экономику. Подобно многим странам Восточной Европы, Россия традиционно выступала на общеевропейском рынке как поставщик в основном сельскохозяйственной продукции и импортер промышленных товаров. В XVIII веке русский лен, пенька, кожи, зерно и другие виды аграрной продукции обладали относительно высокой конкурентной способностью, поскольку создавались даровым трудом крепостных крестьян.

Все возрастающий вывоз аграрной продукции приносил помещикам, купцам, богатым крестьянам, а также и государству относительно высокие прибыли. Так, с начала XVIII столетия год от года на основе постепенного увеличения доли вывоза продовольствия происходило углубление и закрепление аграрной специализации страны со всеми вытекающими последствиями.

Россия оказалась просто неподготовленной для равноправного торгового партнерства с Западной Европой. А внешний фактор сыграл роль своеобразного катализатора в расширении сельскохозяйственного производства на крепостнической основе. В стесненном положении оказалась национальная промышленность. В стране началась консервация феодальных отношений.

"Революция цен", которая пришла в Россию с запозданием на 200 лет, оказала крайне противоречивое влияние на российскую экономику. Крепостничество приобрело "второе дыхание", и пик своего развития российский феодализм прошел в условиях "симбиоза" с европейским и отечественным ка-

питализмом. Судьба национального капитализма оказалась печальной – ему пришлось приспособляться к текущей ситуации.

Посошков наблюдал в экономической жизни государства эту негативную тенденцию. Она еще не набрала такую силу, но уже в период "петровской революции" многие помещики расширяли свою запашку за счет крестьянских наделов. Вероятно, наиболее полно Посошков ощутил влияние "революции цен" в 20-е годы XVIII века, когда он выступил как организатор мануфактурного производства. Рост цен ударил по мелким и средним предпринимателям, а также по разбогатевшим ремесленникам, стремившимся организовать мануфактуры. Поэтому так энергично экономист выступал за таксацию рыночных цен.

По существу вся экономическая программа, предложенная Посошковым в книге, – это программа развития российской экономики, основанная на подъеме не только промышленности и торговли, но и прежде всего сельского хозяйства. Отсюда стремление мыслителя с помощью осуществления новых проектов деформировать феодальные отношения в деревне, создать условия для постепенного изживания крепостничества.

Центральное место в теоретическом арсенале Посошкова занимает концепция "изобильного богатства", которая лежала в основе его проектов.

Идея достижения "изобильного богатства", богатства с приращением, касается вещественных и невещественных его форм. Однако основа всего – растущее "всенародное богатство" (в том числе крестьянское), которое состоит из "домовых внут-

ренных богатств". Посошков, предлагая легализацию такой частной собственности, которая будет все время увеличиваться, подошел к проблеме индивидуального капитала. Под пером Посошкова понятие "домового внутреннего богатства" становится тождественно растущему богатству частного хозяйства, при этом прекрасно использующего натурально-хозяйственные принципы экономии богатства.

Идея "домостроительства" интересна и в другом аспекте. Посошков как бы "открывает" в структуре феодального хозяйства опорные элементы будущей структуры буржуазного общества. Но как их "оживить"? У Посошкова на этот счет два пути: "домовое богатство" может расти за счет дальнейшей рационализации потребления. С другой стороны, государство своей новой экономической политикой должно создать условия для развития крестьянского хозяйства, ремесленного и мануфактурного производства.

Почти повсюду на страницах "Книги о скудости и богатстве" Посошков очень лестно отзываясь о деятельности купечества, отводит ему высокий социальный статус в государстве, ставит его "на одну доску" с дворянством. Это позволило некоторым исследователям заявить о купеческом характере идеологии Посошкова. Основные реформы он намечал провести прежде всего в сфере производства, и только вместе с изменениями в сфере обращения они дали бы определенный эффект. Экономист отмечал, что "купецкий человек" потребен всем "чинам". И роль торговли становится все больше, если растет "изобильное богатство", богатство с избытком. Не случайно, ведя разговор об

огромной роли внутренней торговли, Посошков по существу заявляет о посреднической роли коммерции, осуществляющей связь между частными домохозяйствами. Так мыслитель вплотную подошел к идее обмена: "избытками", т.е. "домостроительской" роли торговли в государстве.

В учении об "изобильном богатстве" можно увидеть и некие "отголоски" крестьянских утопий о блаженной земле, где все счастливы и все продукты, необходимые для жизни, есть в изобилии. Правда, одна из этих утопий рисует достаточно примитивное общество, в котором люди не занимаются земледелием, там нет царей, не находят применения железо и серебро [11. С. 174–177; 30. С. 25–26]. У Посошкова, наоборот, идея изобилия связана с развитием земледелия, постепенным раскрепощением производительных сил крестьянского хозяйства. Он все время подчеркивает трудовой характер производства "прибытка", составляющего материальную основу растущего богатства.

Говоря о продуктивности труда, Посошков чаще всего приводит примеры из аграрной сферы экономики. Здесь он высказал догадки, что не только труд, но и "земля" один из источников богатства. Согласно К. Марксу, потребительные стоимости – знаки вещественного богатства, – "представляют собой соединение двух элементов – вещества природы и труда". Поэтому "труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства" [1. Т. 23. С. 51–52].

Концепция производительного труда Посошкова имеет определенные противоречия. Ратуя за обновление российского хозяйства с определенным

упором на обрабатывающую промышленность, он настаивал в основном на подъеме тех ее экспортных отраслей, которые используют, как правило, сельскохозяйственное сырье. Все отрасли тяжелой промышленности "представлены" в книге прокатным делом ("волоченное железо"), производством жести и кровельного железа [3. С. 148]. Это определенным образом обедняет глобальные идеи Посошкова о борьбе за промышленную ориентацию страны в общеевропейском разделении труда. Однако мануфактурное строительство в России при жизни Посошкова только набирало силу. Кроме того, даже крупная мануфактура не могла стать достаточно самостоятельной формой производства. Она, по словам К.Маркса, "выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы" [1. Т. 23. С. 381]. И у Посошкова прослеживаются не только "ремесленные", но и "крестьянские" истоки происхождения мануфактур.

Реализация экономической программы Посошкова привела бы к изменению в расстановке социальных сил в России. Реформы привели бы к определенному экономическому ослаблению дворянства, произошло бы усиление роли купечества и "фабриканов", а также зажиточного крестьянства. В конечном итоге возможно было и достижение экономического паритета между дворянством и капиталистическими элементами. Да и дворянство, сдающее землю богатым крестьянам на условиях предпринимательской аренды, уже иное. Однако все это могло произойти, если бы абсолютизм, пойдя на уступки буржуазии, стал бы проводить опре-

деленный прокапиталистический курс внутренней политики. Подобная переориентация в определенной мере выгодна самой абсолютистской монархии, поскольку в условиях "равновесия сил" дворянства и буржуазии власть может получить даже большую самостоятельность действий. Концепция "новой" монархии, опирающейся и на "богатый народ", подтверждает эту идею К. Маркса. Более того, Посошков предоставляет Петру I безграничные prerogatives власти для осуществления идей "Книги о скудости и богатстве". Мыслитель предполагал усиление политического деспотизма в ходе осуществления реформ, считал это просто необходимым. "Аще бо коя и земля велми задернеет, – писал он, – и дондеже того терния огнем не выжгут, то не можно на ней пшеницы сеяти, тако и в народе злую застарелость злом надлежит и истребляти" [3. С. 90].

Однако Петр I и Посошков по-разному понимали эту "злую застарелость". Реформы Петра и "ломки всего старого были теми грозowymi разрядами, энергия которых копилась в течение длительного времени". В свете этих реформ Россия, представленная XVII веком, казалась царю малоподвижной и косной. Петр шел на демонстративный разрыв со Старой Русью, стремясь утвердить "в сознании современников всю глубину совершавшегося переворота" [46. С. 233].

Однако "петровская революция" привела к определенной односторонности. Несмотря на несомненные успехи преобразований, многие реформы прошли как бы по касательной в отношении определенной части купечества и многомиллионного крестьянства. Определенный пласт экономическо-

го быта и культуры остался нетронутым. Академик Д.С. Лихачев назвал это "крестьянско-купеческим, своего рода "Замоскворечьем" русской культуры" [46. С. 233].

Посошков не принадлежит и в то же время принадлежит к этому "Замоскворечью" русского общества. Этот мыслитель являет собой поразительный не только для своего времени пример, как старые национальные традиции хозяйственной жизни можно превратить в фактор экономического роста, сделать их важным элементом будущего обновления хозяйственной системы.

Посошков прямо не высказывал Петру I какие-либо претензии относительно "небрежения" им традиций хозяйственной практики русского народа. Но он сумел продемонстрировать правителю принципы отбора "живых тканей" материальной культуры, а затем их возможную искуснейшую пересадку в обновляющуюся экономическую систему. Поразительно, как Посошков осовременивает многие экономические идеи "Домостроя" Сильвестра, находя иное применение патриархальному скопидомству. Он показывает Петру I как бы другую Россию, не восприимчивую ко многим, чуждым национальным традициям, преобразованиям.

"Петровская революция" привела к усилению крепостничества и различных форм принуждения народа. Выступая за изживание крепостничества, Посошков продолжает и развивает традиции "Домостроя", в котором прямо "осуждается злоупотребление правом неволи" [46. С. 169].

Не случайно образ Петра I, построившего новую столицу и давшего ей название на голландский манер, как бы противопоставлен у Посошкова

образу некоего идеального правителя, занимающегося серьезной переборкой обветшавшего русского Дома. Мыслитель надеялся, что обновление России будет более глубоким и коснется самых широких слоев населения, полагал, что купечество и разбогатевшее крестьянство станут со временем опорой абсолютизма. В этом сила мысли и в то же время трагедия идей замечательного русского экономиста.

Глава 3

СУДЬБА ПОТАЕННОЙ КНИГИ

1. Эстафета идей

После смерти в тюрьме казалось, что о Посошкове все забыли. Но материалы Тайной канцелярии показывают, что опасное сочинение, по-видимому, было не в одном экземпляре. Выдающегося экономиста и публициста ждал долгий и тернистый путь от забвения к славе.

Через четверть века после смерти мыслителя его сочинениями заинтересовался великий русский ученый *М.В.Ломоносов* (1711–1765). Он планировал написать большой трактат социально-экономического содержания, а также "Российскую минералогию". При разработке этих сочинений Ломоносов, несомненно, использовал некоторые идеи автора "Книги о скудости и богатстве".

Задумка Ломоносова написать большой трактат о социально-экономических проблемах России относилась еще к периоду до 1761 г. При изучении необходимых материалов его внимание привлекла последняя книга Посошкова. Ученый поручает канцелярии Академии наук сделать копию с "Кни-

ги о скудости и богатстве". В журнале канцелярии сохранилась следующая запись: "Книгу, называемую О скудости и богатстве в ведомстве асессора и унтер-библиотекаря г.Тауберта начисто переписать и по переписании... оригинал взнести в канцелярию" (Цит. по: [37. С. 142]). Исследователям остался неизвестен сам оригинал, но копия до сих пор хранится в рукописном фонде библиотеки Академии наук в Ленинграде. На последнем листе рукописи имеется запись двумя почерками: "Списана 1752 году. А для списания получена от господина советника Михаила Васильевича Ломоносова" [3. С. 244]. По свидетельству Б.Б.Кафенгауза ломоносовский список книги Посошкова является наиболее исправным. Он и положен в основу двух последних советских изданий трактата русского мыслителя (1937, 1951).

Посошков заинтересовал Ломоносова не только как современник Петра I, но и как оригинальный мыслитель, давший свою интерпретацию петровских реформ и концепцию их углубления. Ломоносову не удалось завершить работу над задуманным трактатом, но первая его глава "О размножении и сохранении российского народа" все же была написана и направлена И.И. Шувалову*. В этом своеобразном письме есть введение, где ученый излагает содержание своего большого сочинения [47, Т.2. С. 131].

* И.И.Шувалов (1728–1797), известный русский государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, содействовал развитию науки и искусства, покровительствуя многим ученым и художникам. Поддерживал план создания Московского университета и стал его первым куратором.

Ломоносов считал главным делом "высочайшей воли" – сохранение народа, рост населения. В этом "состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей". Он солидаризировался с одной из принципиальных идей Посошкова, когда писал о "живых покойниках" – беглых крестьянах: "Побеги бывают более от помещичьих отягощений крестьянам..." При чем Ломоносов связывал эту идею с государственной необходимостью "исправления или совершенного истребления некоторых обычаев" [47. Т. 2. С. 131, 143]. Ломоносов-просветитель стремился к гуманизации экономической политики российского абсолютизма в отношении самодеятельного населения России – основной производительной силы страны. Как и Посошков, он печется об искоренении "дурных" нравов русского народа.

План задуманного Ломоносовым сочинения позволяет увидеть и другие черты его сходства с книгой Посошкова. Оба мыслителя решительно выступили за истребление праздности и придавали большое значение просвещению русского народа. Есть определенное сходство и по содержанию "экономических" глав сочинений. Прежде всего Посошкова и Ломоносова объединяет идея экономического роста России, или "прибытка". Ломоносов писал не только о "приращении подданных" [47. Т. 2. С. 144]. Его глубоко волновали проблемы развития материального производства. Так, в первоначальном варианте плана задуманного трактата четвертая глава имела следующее название: "О умножении внутреннего изобилия" [35. С. 127]. Несомненно, идея "изобильного богатства" занимала Ломоносова, но она носила более общий характер; имела

отношение к разным отраслям производства. Большую часть "внутреннего изобилия" давало России земледелие. И не случайно, что в письме к Шувалову стоит иное название главы: "О исправлении земледелия". Вчитываясь в трактат Посошкова, ученый не мог не заметить преобладания аграрного источника "прибытка" всенародного богатства. Ломоносов как бы "отредактировал" структуру книги Посошкова, поставил все на свои места, согласно логике сочинения. В нереализованном плане трактата Ломоносова давалась совершенно иная последовательность рассмотрения отраслей хозяйства. У Посошкова сельское хозяйство на предпоследнем месте перед государственными финансами. У Ломоносова среди "экономических" глав земледелие уступает позиции только проблеме народонаселения. Ломоносов "уточнил" и другую замечательную идею Посошкова – об огромной роли торговли в экономическом росте страны. Логика построения незавершенного трактата Ломоносова показывает, что без "приращений" в населении и сферах материального производства рост товарообмена невозможен. Косвенно это подтверждается и знаменитой идеей Ломоносова, что цветущее состояние государства зависит и "от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами через купечество" [47. Т. 1. С. 436]. Собственно говоря, эта идея легко выводится из посошковского учения о "изобильном богатстве". Отсюда столь внимательное отношение мыслителей к торговле. У Посошкова роль купечества потому столь высока, поскольку оно выполняет важнейшую функцию собирателя и распределителя "избытков".

И Посошков, и Ломоносов были сторонниками

более быстрого промышленного развития России. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что начало работы Ломоносова над "Российской минералогией" (1753) совпадает по времени с изучением "Книги о скудости и богатстве".

Ломоносов поставил перед собой большую задачу: описать все руды и минералы России для содействия геологическим изысканиям и дальнейшей разработке недр. Эта грань деятельности великого ученого полностью согласуется с идеями книги Посошкова. Последний сетовал в ней Петру I, что многие полезные ископаемые еще не найдены и восклицал: "И я не знаю, чего бы у нас в Руси не сыскать". Ломоносова не могло не задеть "за живое" утверждение Посошкова о незнании, "в каких местах что обретается..." [3. С. 150]. И великий ученый обращается ко всем российским заводчикам с просьбой прислать ему образцы руд и земель для составления минералогического описания страны [36. С. 179–189].

По-видимому, "Книга о скудости и богатстве" входила определенное время в круг чтения российских интеллектуалов второй половины XVIII века. По крайней мере о Посошкове и его книге упоминает Н.И. Новиков в первом словаре русских писателей (1772) [53. С. 172]. Об этом свидетельствуют и определенные данные из истории русской экономической мысли того периода.

Если у Посошкова идея взаимосвязи сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности просматривается, так сказать, пунктиром, то ее активно развивал известный русский экономист и писатель М.Д. Чулков (1743–1793), автор знаменитого многотомного "Исторического описания российской

коммерции" (1781–1788). Центральная идея Чулкова заключалась в том, что "самый большой союз имеют мануфактуры и фабрики с деревенскою экономией" [82. Т. VI. Кн. 3. С. 63]. Сторонник промышленного развития России считал, что "сельская экономия" способствует цветущему состоянию промышленности. Так идея всестороннего развития хозяйства России, получившая отражение в экономической программе Посошкова, нашла своего активного приверженца.

Не исключено определенное влияние Посошкова на группу российских мыслителей второй половины XVIII века, критиковавших феодально-крепостнические институты. В первую очередь это касается Д.А.Голицына (1743–1803), аристократа, дипломата, сторонника физиократизма по его собственным заявлениям. В своем сочинении "О духе экономистов" (1796) он предстает как сторонник личной свободы и частной собственности. Голицын словно развивает некоторые оригинальные идеи Посошкова: "Свобода распоряжения избытками, или иначе богатством, является действующей причиной плодородия полей, разработки недр, появления изобретений, открытий и всего того, что может сделать нацию цветущей" (Цит. по: [32. С. 521]).

Против крепостничества выступал и А.Я.Поленин (1738–1816) – известный в то время экономист и юрист. "От владеющего собственным имением крестьянства, – подчеркивал он, – все государство будет чувствовать великое облегчение: доходы его несравненно возрастут" [31. Т. 2. С. 9]. Лишенный собственности земледелец "наперед знает, что от своих трудов никоей пользы кроме опасности, изнуждения и насильствия не получит" [Там же. С. 10].

Эти идеи перекликаются с "мнениями" Посошкова о необходимости легализации крестьянской собственности для получения "изобильного богатства" и роста государственных доходов.

Примечательной фигурой русского просвещения был *Я.П.Козельский* (ок. 1728– после 1793), депутат комиссии 1767 г. по разработке нового Уложения. Во время ее работы он смело потребовал не только ограничения крестьянских повинностей, но и предоставления земледельцам наследственных прав собственности на землю. Как и Посошков, Козельский настаивал на отделении крестьянских земель от помещичьих, "чтобы мужики, почитая те земли за собственный свой удел, основательнее обзаводиться и постоянное жить могли" (Цит. по: [27. С. 557]).

Возможно, что с опасным сочинением Посошкова был знаком и *А.Н.Радищев* (1749–1802). Известный исследователь русской экономической мысли *А.И.Пашков* полагал, что до "Путешествия из Петербурга в Москву" не было в России сочинения, "в котором бедственное положение крестьянства, угнетение его помещиком было бы показано более ярко и правдиво ..." [59. С. 37]. Реализация идеи "изобильного богатства" означала полное отрицание крепостничества, в условиях которого крестьяне не могли достичь благосостояния. Посошков приближается к идее Радищева, что неволя – основной фактор, определяющий низкую производительность крестьянского труда [65. Т. 1.С. 233, 218, 219].

Идея "изобилия" материальных благ владела и Радищевым, когда он думал о "насыщении граждан" земными плодами. Но изобилие продуктов Радищев связывал с полным уничтожением подне-

вольного труда. У Посошкова крестьяне движутся к "вольному" труду на "помочах" государственных регламентаций в условиях постепенной легализации свободы и собственности.

"Книга о скудости и богатстве" относилась к ряду отреченной литературы. В конце XVIII – начале XIX века она была знакома очень узкому кругу российских библиофилов и интеллектуалов. И все же, по-видимому, книга оказала определенное влияние на развитие тогдашней общественной мысли. Но обстановка того времени, несомненно, "заточила" книгу Посошкова в рукописных фондах библиотек и личных собраний. Широкий доступ к ней был фактически закрыт.

2. Второе открытие

"Книга о скудости и богатстве" была открыта "вторично" и введена в настоящий научный оборот в начале XIX века. Несомненная заслуга в этом принадлежит *М.П.Погодину* (1800–1873), известному историку, профессору Московского университета в 20–40-е годы, писателю и издателю. Он был страстным собирателем древних рукописей и книг, предметов старины, превратив свой дом в своеобразное "древнехранилище".

В 1838 г. в Петербурге был объявлен аукцион для продажи старинных рукописей, оставшихся после собирателя книг *И.И.Лаптева*. В то время Академия наук присудила Погодину премию в 5 тыс. руб. за исследование о *Несторе-летописце*. Располагая такой суммой, Погодин решил прибегнуть к услугам московского книготорговца *Т.Ф.Большакова*,

дав ему доверенность на получение премии. Историк наказывал торговцу приобрести в Петербурге "все, что ему заблагорассудится, обращая главное внимание на летописи и сказания" [18. Кн. 5. С. 436]. Наконец, в августе 1840 г. Большаков передал Погдину купленные им редкости.

Историк отметил в своем дневнике, что "Большаков возвысился духом и исполнил свое дело отлично ..." [18. Кн. 5. С. 438]. Погдину досталось около двухсот рукописей и несколько старопечатных книг. Эти приобретения настолько взволновали историка, что он "долго не мог уснуть и всю ночь они ему мерещились". Ему чудилось, что то на него и Большакова "напали разбойники и хотели отнять рукописи, то кто-то рвал их" (Там же).

Немного успокоившись, Погдин производит первый разбор полученных книг и на первых же порах находит между ними: сочинение Посошкова, купленное рублей за пять, летопись собственноручную Самуила Величко [18. Кн. 5. С. 438]. Об этих находках Погдин не мог не сообщить своим друзьям, в частности Н.В.Гоголю. Гоголь отвечает ему из Рима: "Рад очень твоему счастью, т.е. редким находкам, сделанным тобою" [Там же. С. 439].

Ознакомившись с содержанием "Книги о скудости и богатстве", Погдин отметил в дневнике: "Кончил Посошкова ... Благодарю судьбу, которая доставляет мне случай ввести такого великого человека в святилище Русской Истории" [18. Кн. 6. С. 315]. Историк был приятно поражен "обширностью соображений" и "дельностью указаний", данных мыслителем.

Погдин до того увлекся своим открытием, что его выводило из себя равнодушие других к этому со-

бытию. Сочинение Посошкова он старался пропагандировать повсюду. Историк намеревался прочесть лекцию о Посошкове в Московском университете. Но граф С.Г.Строганов, тогдашний попечитель учебного заведения, советовал не читать, чтобы она "не произвела слишком много эффекту и не была растолкована криво" [18. Кн. 6.С. 315]. Погодин в этом случае уступил.

Открытие Погодина стало важной вехой его творческого пути. Однако в тогдашнем обществе погодинские рассказы о самобытном русском мыслителе были встречены сомнениями и даже насмешками. Недоброжелатели историка распустили слухи, что открытая им книга написана не простолюдином Посошковым, а вельможей времен Елизаветы или Екатерины II, а возможно, и каким-то новгородским дворянином [6. Ч. I. С. XXI; 18. Кн. 6. С. 316]. Некоторые приятели Погодина негодовали на него за посошковские "мнения" о крестьянах.

Погодин непременно хотел издать сочинение Посошкова. И трудно сейчас предположить, как бы сложилась судьба этой замечательной книги, если бы не покровительство тогдашнего министра народного просвещения С.С.Уварова – известного творца теории "официальной народности". История полна парадоксов и неожиданностей. И получилось так, что идеолог николаевской реакции стал ходатаем перед царем за книгу, полную антидворянских идей.

Погодину было поручено составить записку для доклада Николаю I. Чтобы добиться желаемого, историк пошел на грубую, но "верноподданнейшую" лесть, написав о "благополучном царствовании" императора, а также что при нем "дух Петра Вели-

кого как будто опять воцарился в России". С другой стороны, характеризуя в целом трактат Посошкова, Погодин подчеркивал, что рекомендуемое сочинение изобилует "светлыми выводами здравого ума, не помраченного теорией ..." [18. Кн. 6. С. 318, 317].

Как только "высочайшее разрешение" было получено, Погодин напечатал в издаваемом им журнале "Москвитянин" отрывки из книги Посошкова. Журнальная подборка "мнений" русского мыслителя прошла почти без комментариев, поэтому ее характер крайне интересен. Как монархист Погодин отдал первый раздел публикации высказываниям Посошкова о самодержавии. Но уже третья "позиция" содержит посошковскую идею равенства всех сословий перед законом, а четвертая – знаменитое высказывание о том, что помещики владеют крестьянами временно. Поместил Погодин и цитату из книги о универсальности царской собственности над "всею светом". В разделе о правосудии помещено "мнение" Посошкова о необходимости разработки новых законов и о избрании для этого "всеобщего совета". Очень важно, что Погодин обратил внимание на приоритеты в посошковской промышленной политике: создание таких мануфактур, "для коих нужны материалы производит Россия". Подборка "мнений" о крестьянах прошла вообще без комментариев историка. Однако Погодин вновь включил отрывок из книги, где Посошков прямо говорит о временности крепостного состояния русских крестьян. В разделе о финансах Погодин обратил внимание на важность "домового внутреннего богатства" [62. С. 68–104].

Погодин находился на позициях реакционной теории "официальной народности", но он был сложной, неоднозначной фигурой в истории русской культуры XIX века. Отец его был крепостным графа И.П.Салтыкова, который отпустил его с семьей на волю в 1806 г. Сын бывшего крепостного, академик Погодин с большим сочувствием отнесся к тем местам в книге Посошкова, где описывалось тяжелое положение крепостных и ставилась задача искоренить помещичий произвол.

Наконец, 21 февраля 1842 г. Общество Истории и Древностей Российских при Московском университете постановило издать книгу Ивана Посошкова за свой счет в пользу издателя – Погодина тиражом 1200 экземпляров. Тайные "мнения" Посошкова обрели свободу.

Погодин пристрастился к Посошкову. Через два года ему стало известно первое крупное сочинение русского мыслителя – "Зерцало очевидное", но в тогдашних условиях опубликовать его не удалось. Оно увидело свет только в 1863 г. А еще через девять лет было опубликовано другое крупное произведение Посошкова – "Завещание отеческое". Так же были обнаружены и опубликованы архивные документы, проливающие свет на "темные места" биографии мыслителя. Во второй половине XIX века стали появляться статьи и книги, посвященные идеям Посошкова.

3. Посошков в дореволюционной отечественной литературе

В истории отечественной науки интерес к творческому наследию Посошкова был постоянным. Но в литературе о нем наблюдаются неоднозначность

точек зрения, крайности оценок природы его мировоззрения — от неумеренных восторгов до беспощадной критики его идей. Все это связано со сложностью как его мировоззрения вообще, так и экономических идей в частности.

Публикация в 1842 г. Погодиным "Книги о скудости и богатстве" была важным общественным событием тогдашней России. Эта была демонстрация творческих возможностей русского народа, среди которого и в XVIII веке находились люди предприимчивые, пытливого ума, не склонные к бесплодному теоретизированию. Выход антидворянского сочинения в годы николаевской реакции был, безусловно, счастливой случайностью и наряду с появлением первого тома "Мертвых душ" Н.В.Гоголя" (май 1842 г.) стал одним из замечательных явлений русской культуры. Оба сочинения как бы взаимно дополняют друг друга: "мертвое" в поэме Гоголя и "живой" голос народа в книге Ивана Посошкова. И не случайно Н.С.Мордвинов (1754–1845), известный государственный и общественный деятель, экономист, президент Вольного экономического общества (с 1823 г.), писал Погодину по получении книги Посошкова: "Я вменил себе в приятную обязанность чувствительнейше благодарить Вас за доставление мне случая узнать великие и отличительные способности Русского крестьянина" [18. Кн. 6. С. 321].

Среди литературы дореформенного периода следует обратить внимание на две наиболее интересные работы о Посошкове: статьи В.Н.Лешкова (1855) и Е.П.Карновича в журнале "Современник" (1858).

Работа В.Н. Лешкова – попытка на основе сравнительного анализа найти определенные теоретические истоки книги Посошкова, которую он поставил в один ряд с "Домостроем" Сильвестра (середина XVI века). Лешков обратил внимание на посошковскую идею о государственной собственности на землю. Но он истолковал ее как "ясное выражение древнего народного сознания о принадлежности земли государству, о доступности ее всякому Русскому, и о преимущественном господстве в России общинного владения". Рассматривая "деятельность народа", Лешков отметил мысль Посошкова о важности сельского хозяйства, которое среди прочих видов деятельности он ставил на первое место [45, С. 25, 27–29].

Работа Е.П. Карновича посвящена аграрно-крестьянской проблеме "Книги о скудости и богатстве". По его мнению, Посошков "несмотря на свой природный, весьма замечательный ум не дорос до мысли о возможности уничтожить крепостное право в России", и что при всяком удобном случае Посошков указывал на необходимость более прочного укрепления крестьян за помещиками. Карнович объяснил это тем, что мировоззрение мыслителя – своеобразная смесь понятий "природного крестьянина", кем был Посошков по происхождению, и крепостника, каким он сделался в конце жизни. Он не предполагал, что социальные идеалы Посошкова все же выходили за рамки его поведения как "крепостника". Исследователю остался не понятен ход мысли Посошкова, противоречащий "нормам" крепостничества: ведь мыслитель предлагал Петру I привлечь "низкородных" к выработке новых законов [34, С. 63, 49].

Карнович близко подошел к верному пониманию "крестьянских" идей Посошкова, заявляя, что тот смотрел "на землю как на неотъемлемую принадлежность крестьянского хозяйства" и что заработанные земледельцами средства должны применяться "исключительно для усиления хлебопашества" [34. С. 51].

Карнович не "дочитал" Посошкова, настаивающего на разделе земли между помещиками и крестьянами. Это создавало необходимые условия для зарождения арендных отношений, появления у крестьян реальных прав землевладения. Поэтому так недоумевал "критик" Посошкова, анализируя предложенные экономистом формы аренды, которые позволяли образовать "независимые хозяйства". Но Карнович считал, что это не могло бы осуществиться. В лучшем случае могли образоваться дополнительные хозяйства, на землях, которые принадлежали только их господам. Принципиальным упущением Карновича было и то, что он не увидел взаимосвязи крестьянского "проекта" и основных положений податной реформы Посошкова. Отсюда его ошибочное представление о том, что "фискальный" проект Посошкова ущемлял бы частное благосостояние [34. С. 51, 68, 79]. На самом деле податная реформа Посошкова не самоцель, а средство придать импульс развитию частного, в первую очередь крестьянского, хозяйства.

Идеи Посошкова занимали и крупнейшего русского историка XIX в. *С.М.Соловьева* (1820–1879), представителя так называемой государственной школы. Историки этого направления отводили государству и его институтам главную роль в историческом развитии. Сама историческая эволюция

представлялась им процессом зарождения, становления и совершенствования государственности. Книга Посошкова могла стать для Соловьева буквально кладезем "государственной" мысли. Поэтому историк оправдывал все "сильные средства", которые Посошков предлагал Петру I, чтобы "выжечь старую неправду". Приветствовал Соловьев все идеи русского мыслителя, связанные с твердой политикой российского государства, которая содействовала бы росту благосостояния его подданных и их грамотности, а также пресекала "дурное" обращение помещиков с крестьянами [71. Кн. 4. Стб. 231].

Определенный вклад в изучение Посошкова внесли Н.Есипов и А.Куник. Так, Есипов был не только публикатором ряда материалов о жизни и деятельности русского мыслителя. Ему принадлежит одно очень точное замечание относительно взаимосвязи хозяйственной практики Посошкова с его экономическими идеями: "бережливость без скупости" [30. С. 6]. По мнению Есипова, пример Посошкова убедительно показывал способность простого русского человека к самостоятельному умственному развитию. В свою очередь Куник открыл в рукописном отделе Академии наук ломоносовский список "Книги о скудости и богатстве", который со временем стал основным [44. С. 62-64].

Одним из самых известных исследователей Посошкова в дореволюционный период был А.Г.Брикнер, издавший о нем на русском языке две большие работы: "Посошков как экономист" (1876) и "Мнения Посошкова" (1879). Политико-правовые воззрения Посошкова Брикнер рассматривал совершенно изолированно от экономических идей, объявив первые "в высшей степени наивными". Эта формули-

ровка имела отношение и к институту "многонародного совета" при царе, и к важным демократическим элементам процедуры принятия и утверждения новых законов. Более того, характеризуя мировоззрение Посошкова в целом, Брикнер фактически отказывал ему в какой-либо самобытности взглядов. "Сочинения Посошкова, — заявлял он, — могут считаться единственным в своем роде доказательством, что толпа, долженствовавшая молча следовать за колоссальными поворотами той эпохи и повиноваться воле царя преобразователя, умела хотя бы отчасти ценить значение затронутых административной и законодательством вопросов". Поэтому Посошков для исследователя остался лишь "отголоском мнений, существовавшим в массе народа" [22. С. 157, 160].

Настаивая на том, что Посошков был идеологом "толпы", Брикнер подчеркивал, что главным наставником русского мыслителя был Петр Великий. Самодержец тоже был самоучкой и его, как и Посошкова, воспитывала сама жизнь. Но "во многих отношениях Посошков оказывается отсталым сторонником старины". И в то же время Брикнер провозглашал его "смелым прогрессистом", "отчаянным проповедником новых революционных идей" того времени. [21. С. 4, 5].

К сожалению, у Брикнера не было целостности и в анализе собственно экономических взглядов Посошкова. В книге "Посошков как экономист" он прямо ставит перед собой задачу "подвергнуть разбору взгляды Посошкова на различные отрасли народного хозяйства" [21. С. 74]. Этот отраслевой подход позволил Брикнеру "нарушить" целостную концепцию реформ, данную в "Книге о скудости и бо-

гатстве", "развести" многие коренные проблемы, поднятые русским мыслителем.

Брикнер прямо указывал на сходство идей "Домостроя" и "Книги о скудости и богатстве", особенно в отношении проблемы потребления и сбережения материальных благ. Он объяснял это тем, что мыслитель сочувствовал Петру I как меркантилисту и, "подобно ему, желал учить частных людей вести домашнее хозяйство рационально и бережливо" [21. С. 122, 128].

Брикнер в своих работах все время напоминал, что Посошков находился под непосредственным влиянием преобразований Петра I, а последний в свою очередь "сам был учеником Запада" [21. С. 91]. При этом исследователь все время старался доказать, что меркантилистические идеи Посошкова о торговле и промышленности – основные в его теоретическом наследии. Таким образом, исподволь проводилась идея о своеобразном "вторичном" заимствовании Посошковым идей меркантилизма.

Брикнеру оказался совершенно чужд "крестьянский аспект" идеологии Посошкова. "Главное его внимание, – подчеркивал исследователь, – было обращено не столько на сельский труд, сколько на устройство фабрик или на разные коммерческие предприятия". Но Брикнер выдвинул ряд плодотворных "мнений": о зарождении у Посошкова идеи земельного кадастра и подоходного налога с обрабатываемой земли, хотя последняя оказалась недостаточно обоснованной. При этом Брикнер заявлял, что посошковский проект введения новых налогов при господстве государственной собственности на землю превратил бы подать в арендную плату," а такой взгляд на отношение под-

данных к государю, собственнику всех земель, соответствует еще ныне господствующему на Востоке, в Турецкой империи" [21. С. 258, 277, 285, 286, 288].

Книга Брикнера "Посошков как экономист" стала своеобразным этапом в изучении Посошкова в России. Она породила множество восторженных поклонников идей русского мыслителя, но и не меньше крайних скептиков, причем этому в большой степени способствовали те акценты и крайние оценки, которые были у исследователя.

Так, академик *В.П. Безобразов* прямо заявлял в рецензии на книгу Брикнера, что идеи Посошкова "не имели никакого значения в истории науки не только всемирной, но и отечественной", причем этот вывод "истекает из почтенных исследований самого г. Брикнера". Рецензент считал, что труд о Посошкове можно признать окончательным. Безобразов даже обвинил Брикнера в том, что тот "увлекся предметом своего анализа и преувеличивает глубину экономических воззрений Посошкова". А в "узкомеркантильных понятиях" Посошкова, которые были предметом анализа исследователя, нет "особенной высоты и гениальности", поскольку стройная и последовательная система меркантилизма существовала и ранее в сочинениях иностранных писателей. Критикуя и Посошкова, и Брикнера, Безобразов подчеркивал, что меркантилизм русского экономиста "не заключает в себе ничего полного и систематического, а перемешан со множеством всяких других случайных мыслей" [19. С. 763, 761]. Безобразов как бы невзначай выступил за новый подход к наследию Посошкова, избегающий "меркантилистической однобокости".

По мнению правоведа *И. Тарасова*, Посошков может рассматриваться "как, до известной степени, предтеча современных русских буржуа". Тарасов акцентировал внимание на том, что Посошков жил в период "апогея абсолютной монархии, вскормленной беспредельными жертвами народа", когда "личная свобода погибла в крепостном праве". Посошков поэтому "был абсолютистом и меркантилистом, воспитанным не наукою, а жизнью" [74. С. 191, 180, 198]. Ученый выразил более явно то, на что Безобразов только намекал: "Меркантилизм Посошкова вылился в менее рельефную форму, проникал не во все хозяйственные сферы, которых он касался, и переплетался с некоторыми воззрениями, характеризующими иное, позднейшее экономическое учение". Тарасов считал, что Посошков как финансист "ступает твердою ногою в область нового, нарождавшегося тогда, хотя и не известного ему учения физиократов, видевших в земле, в производительности природы единственный источник богатства и потому считавших ренту единственным податным объектом". Отсюда и особенность идей Посошкова, появившихся "как бы на рубеже двух исторических периодов" развития экономической мысли [74. С. 200, 198].

Другой исследователь Посошкова *А. Царевский* видел в нем "человека переходной эпохи", а в его мировоззрении "смесь неустановившихся взглядов и понятий". Он считал Посошкова мыслителем "золотой середины", примиряющей "два крайних направления". По мнению Царевского, Посошков не дошел до идеи уничтожения крепостничества, считал, что крестьянам плохо из-за того, что они недостаточно "укреплены за помещиками". Однако

исследователь полагал, что русский мыслитель видел "корень богатств" в земледелии [79. С. 34, 30, 89-90].

"Заступником за поработенный народ" назвал Посошкова В.И. Семевский, известный исследователь крестьянского вопроса в России. Предвидя конец крепостничеству в будущем, русский мыслитель, по мнению историка, "считал несвоевременным прекращение личной зависимости", поскольку она необходима для пресечения лености, пьянства и воровства, распространенных в крестьянской среде. Но самой замечательной идеей Посошкова Семевский считал его "мысль о полном отделении земель крестьянских от помещичьих" [69, С. 5, 7, 6].

Очень интересовался идеями и личностью Посошкова известный русский историк Н.П. Павлов-Сильванский (1869-1908). В своей работе "Проекты реформ в записках современников Петра Великого" ученый обнаружил целое течение общественной мысли периода преобразований - "московские прогрессисты типа И. Посошкова". По словам историка, они упорно держались "московских начал духовной культуры, но с полной готовностью шли навстречу заимствованиям из области технических знаний, государственных и общественных отношений". При этом историк подчеркивал, что допетровская Русь "не была принципиальной противницей нововведений" и старые порядки реформировались постепенно, а заимствования с Запада были в основном "в области военного дела и промышленной техники" [57. С. 79, 80].

Существовал и другой лагерь реформаторов, которые, подобно Петру I, сознавали "необходи-

мость возможно полного усвоения западно-европейской культуры". Некоторые "прожектеры" "требовали преобразований иногда, главным образом, вследствие сильно развившейся в них подражательности" [57. С. 79].

По мнению Павлова-Сильванского, Посошков, выступая за сохранение традиционной духовной культуры, "вполне сознавал необходимость коренного преобразования государственного, общественного и экономического строя России". Но русский мыслитель не мог допустить иностранного влияния на духовную сферу жизни России, "резко расходясь с Петром I в этом вопросе" [57. С. 84]. Однако это обстоятельство не помешало Посошкову отнестись "весьма сочувственно" к петровским преобразованиям в целом. Павлов-Сильванский сделал интересное наблюдение, что мыслитель закрывал глаза на те стороны деятельности царя, "которые должны были оскорблять его старомосковское церковное мировоззрение" [58. С. 59].

Павлов-Сильванский считал, что в "Книге о скудости и богатстве" обсуждается два основных вопроса – всенародное обогащение и на его основе пополнение государственных финансов, а также проблема "истинной правды" – "невещественного богатства" [58. С. 62–63]. По мнению историка, Посошков требовал от Петра I радикальной реформы законодательства и управления, но признавался в своем бессилии указать на ее основы. Мыслитель понимал необходимость "нового регула", но опять-таки не осознавал, что его "можно найти за границей". Трудно согласиться и с тем, что "многонародный совет" Посошкова – вариант Земского Собора [58. С. 64, 65].

Но главное, Павлов-Сильванский не преодолел рамок чисто меркантилистического подхода к экономическим идеям русского мыслителя. Историк придерживался мнения Брикнера, что Посошков не придавал крестьянскому богатству "такого первенствующего значения, как физиократы". Зато, подобно меркантилистам, Посошков "обращает особенное внимание на внешнюю торговлю". В этой связи важнейшей задачей посошковской торговой политики должно стать "поощрение вывоза продуктов промышленности и ограничение привоза иностранных товаров". По мнению Павлова-Сильванского, одна из характерных черт идеологии Посошкова — его мечта "о возможности торжества русской промышленности над иностранною" [58, С. 68].

"Первым русским экономистом" был назван Посошков в "Энциклопедическом словаре" Брокгауза и Эфрона. Автор статьи о нем А. Миклашевский, характеризуя "Книгу о скудости и богатстве", назвал ее целой программой переустройства государства, где "главным источником благосостояния является земля", но и без промышленного развития процветание России невозможно [48. С. 691].

Идея Посошкова о том, что помещики владеют крестьянами временно, а настоящий их владелец — государство, попала в "Курс русской истории" В.О. Ключевского (1841–1911), известного русского историка. Он, в частности, считал, что Посошков был своеобразным "литературным представителем" мыслящего крестьянства, у которого "еще тлела или уже загоралась мысль, что помещичья власть над крестьянами не вечное право, как на рабочий

скот, а государственное поручение, которое в свое время снимут с помещиков" [42. Т. 3. С. 183; Т. 4. С. 103]. Однако другой исследователь М.В. Ключков подчеркивал, что русский мыслитель требовал лишь ограничения повинностей, "не имел в виду освобождения крестьян от крепостной зависимости" [41. С. 72].

В.В. Святловский в "Очерках по истории экономических воззрений на Западе и в России" писал, что взгляды Посошкова менее прогрессивны, чем Федора Салтыкова, барона Любераса и самого Петра. По его мнению, Петр I насаждал меркантилизм в России, и поэтому он "не естественно развивался (как на Западе.— Д.П.) а искусственно прививался" и вся тяжесть этого явления "упала на крестьянство". Это стало причиной его окончательного порабощения и помогло укрепить земледельческому дворянству [67. С. 173, 175, 176].

В курсе лекций по истории экономической мысли С.Н. Булгакова оценка идей Посошкова была самой высокой. А его аграрные проекты, "в корень подрывающие и ограничивающие права помещиков на крестьян, нельзя не признать весьма передовыми, до известной степени предвосхищающими идею освобождения крестьян еще в эпоху Петра Великого". Булгаков правильно отмечал, что у Посошкова "вера в полицейское государство и регламентации", отсутствие сомнений в ее целесообразности, враждебное отношение к загранице — лишь "наиболее выдающиеся особенности меркантилистической доктрины" как таковой [23, С. 36, 37].

В 1911 г. в серии "Памятники русской истории" вышло второе издание "Книги о скудости и богатстве" Посошкова с предисловием А.А. Кизеветтера.

Историк назвал книгу блестящим памятником "самобытного творчества мысли, прирожденной умственной даровитости". Посошков отдал дань XVII веку, воспитавшему его. Но в своем последнем сочинении "в полном противоречии с древнемосковской традицией Посошков провозглашает ту истину, что экономическая крепость и сила страны не в преуспевании фиска, а в благосостоянии народа" [5. С. V].

В 1915 г. вышла "История русской общественной мысли", принадлежащая перу Г.В. Плеханова. Теоретик продолжил спор о природе теоретического наследия Посошкова. Исходным пунктом его анализа идей русского мыслителя послужил тезис Павлова-Сильванского о том, что Посошков был типичным "московским прогрессистом" в противовес "западнику" Петру I и его помощникам. Плеханов заявлял, что Посошков "был новатором не в большой степени, чем консерватором", и "ценность его взглядов не так велика", как полагали многие отечественные исследователи его творчества [61. С. 104].

Много страниц своего второго тома посвятил Плеханов доказательству того, что Посошков критиковал российскую действительность справа, что "московский прогрессист" – "консерватор по преимуществу", выступавший за реставрацию старых порядков Московской Руси. Посошков – идеолог монархического толка, и "трудно представить себе, как сильно пропитаны были его взгляды – не только политические – духом вотчинной монархии" [61. С. 136, 106]. Почва для подобного рода суждений была: многочисленные высказывания Посошкова о всеобщем характере прерогатив абсолютистской власти. Идея усиления государства, его полицейских функций и в экономике стала для Плеханова

свидетельством существования идеологии допетровской Руси, в которой он находил черты восточного деспотизма и азиатского способа производства. Кроме того, ортодоксальный теоретик следовал достаточно жесткой формулировке: "ход идей соответствует ходу вещей". А поскольку Россия сильно отстала от стран Западной Европы по уровню экономического развития, и ее первый экономист — Посошков — "весьма значительно отстал от западно-европейских" [61. С. 106].

Анализируя монархические черты посошковской идеологии, Плеханов совершенно не понял ее про-капиталистической, мелкобуржуазной природы. За чертой его представлений остался и буржуазный характер проектируемой Посошковым "податной реформы". По мнению Плеханова, Посошков не испытывал "большого сочувствия к крестьянам: он утверждает, что они бедствуют главным образом от своей лени" [61. С. 121]. Для него это вполне понятно, так как у "купецкого человека" были собственные крепостные. Поэтому главные идеи Посошкова связаны с ведением выгодной торговой политики.

При оценке посошковского меркантилизма Плеханов точкой отсчета взял не "варварскую" Русь, а передовой Запад. Теоретик мобилизовал всю свою научную эрудицию по части "западно-европейского меркантилизма, чтобы дать понять: идеи Посошкова "не заключали в себе ровно ничего революционного или радикального" [61. С. 127].

Плеханов не применил при оценке взглядов Посошкова единого критерия. Часто, выражая свои собственные мнения, он подходит к характеристике взглядов мыслителя с российскими или западно-европейскими мерками. Так, Плеханов сообщал,

что практичный Посошков, "не мудрствуя лукаво, задумывался только о ближайших экономических нуждах России". Но это делает честь любому экономисту, не склонному к доктринерству. Но главное, Плеханов не смог доказать, что меркантилистические проекты Посошкова, буржуазные по существу, были облечены им в форму, "соответствовавшую социально-политической обстановке русской вотчинной монархии". Это самое уязвимое место концепции Плеханова, которая показывает ее определенную искусственность. А что нужно было сделать Посошкову, чтобы избежать "приспособленчества" его идей к обстановке "вотчинной монархии"? Все, оказывается, заключалось в том, что "его общественное положение помешало ему усвоить ... европейские знания, хотя бы в том объеме, в каком усвоили их претенцы Пётровы. Он на всю жизнь остался самоучкой "старомосковского типа" [61. С. 132, 135, 136].

4. Историография советского периода

Интерес к творчеству Посошкова не ослабевал и после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1923 г. *В.В.Святловский* издал "Очерки истории экономических идей в России". Находясь под влиянием работы Г.В. Плеханова, он пытался определенным образом принизить теоретическое значение идей Посошкова. Святловский прямо заявлял, что значение "Книги о скудости и богатстве" "было преувеличено" Погодиным, Брикнером, Миклашевским и даже Павловым-Сильванским. Видеть в Посошкове "крупного тео-

ретика и новатора" не представляется возможным, поскольку он "только типичный меркантилист той эпохи с местным колоритом: с признанием важности нужд сельского хозяйства". Таким образом, Святловскому, как и другим исследователям, не удалось отбросить очень специфический "аграрный колорит" посошковского меркантилизма. Однако это обстоятельство не помешало исследователю дать все ту же "неполную" формулировку классовой природы русского мыслителя: "Сам крестьянин, Посошков все же идеолог не крестьянства, а торгово-промышленного класса. Он экономист монархической власти, опирающейся на капиталистическую буржуазию" [68. С. 56, 59]. Вторая часть определения Святловского крайне плодотворна, но у исследователя отсутствовала соответствующая аргументация.

На аграрный аспект идей Посошкова обратил внимание выдающийся русский экономист начала XX века *А.В. Чаянов* (1888–1939). В одной из своих работ он отметил, что "наиболее ранние, сведенные в некоторую систему, взгляды о сельском хозяйстве мы должны будем найти в трактате Посошкова "О скудости и богатстве", который подходил к сельскому хозяйству с точки зрения экономической политики государственной власти" [80. С. 202].

В 30–50-е годы творческим наследием Посошкова занимался советский историк *Б.Б. Кафенгауз*, подготовивший первое советское издание "Книги о скудости и богатстве" (1937). Однако ученый принадлежал к той плеяде исследователей русского мыслителя, которые рассматривали книгу Посошкова как некую программу экономической политики, "проникнутую идеями меркантилизма" [38. С.

141]. Защищая эту односторонность подхода к наследию мыслителя, Кафенгауз подчеркивал, что в дореволюционной России "буржуазная историография рассматривала Посошкова как выразителя интересов крестьянства", а посему следует "подвергнуть критике соответствующие высказывания". И была сделана небезуспешная попытка аккуратно затушевать "крестьянский" аспект посошковской идеологии. Более того, в защитники этой точки зрения брался даже Плеханов, который не приписывал Посошкову каких-либо "освободительных" тенденций при рассмотрении аграрно-крестьянского вопроса [38. С. 141, 143]. Уже в 30-е годы в изучении творческого наследия русского мыслителя стала формироваться своеобразная, "крестьянская" запретная зона. И этот однобокий подход к "Книге о скудости и богатстве" стал повторяться, в той или иной форме, в других работах.

Так Д.И. Розенберг в "Истории политической экономики" (1940) подчеркивал: "Символ веры" меркантилизма – больше продавать и меньше покупать – является и лейтмотивом книги Посошкова". По его мнению, Посошков наиболее оригинален лишь "в вопросах, касающихся применения общих начал меркантилизма в России". Русский мыслитель был во власти представления о всемогуществе самодержавия, а это могло сложиться только в отсталой стране, какой была Россия. Розенберг полагал, что именно исходя из этих убеждений Посошков и "развивает свою меркантильную систему" [66. С. 59, 61]. Таким образом, меркантилизм мыслителя только тем и оригинален, что порожден неразвитостью экономического строя, гипертрофией абсолютистской власти. Однако идея "самоуси-

ления" абсолютизма, обоснованная Посошковым, была просто необходима для проведения ряда прогрессивных, в том числе антидворянских, реформ.

Многие позитивные подходы к изучению экономических идей Посошкова нашли свое отражение в работах *А.И. Пашкова*, известного советского экономиста, крупнейшего специалиста по истории отечественной экономической мысли. Его статья "Экономические взгляды И.Т. Посошкова" стала важной вехой в изучении научного наследия русского мыслителя. Характеризуя его взгляды, ученый отмечал, что Посошков – "первый из русских людей дал развернутую и стройную систему экономических взглядов". А его экономическая программа была для того времени "безусловно передовой, прогрессивной", поскольку опиралась на "всемерное развитие производительных сил" [59. С. 43].

Пашков справедливо считал, что Посошкову "присуща народнохозяйственная, государственная широта кругозора". Исходя из этого, ученый видел в мыслителе не только идеолога купечества, но и своеобразного "посредника, арбитра в отношении других классов и общественных групп между собою – между дворянством и крестьянством, между, каждым из этих классов и государством и т.д." По существу Пашков очень близко подошел к разгадке особенностей идеологии Посошкова. Но ученый не увидел определенного совпадения политических и экономических основ абсолютизма, заявляя, что "по своим политическим воззрениям Посошков был убежденным сторонником абсолютистской монархии" [59. С. 28].

"Крестьянская" тема идеологии Посошкова продолжала оставаться "запретной зоной" и в кон-

цепции Пашкова. Более того, если в статье 1945 г. ученый представлял русского мыслителя в виде "сочувствующего посредника" в деле облегчения крестьянских тягот, то в "Истории русской экономической мысли" (1955) прямо сказано, что Посошков не был идеологом крепостного крестьянства [59. С. 28; 38. С. 348].

Впервые в отечественной историографии Пашков проделал серьезный политэкономический анализ "Книги о скудости и богатстве". И сразу был развеян миф о "чистоте" посошковского меркантилизма. Ученый прямо указывал, что "у Посошкова нет свойственного представителям "классического" меркантилизма Западной Европы отождествления богатства с деньгами" [32. С. 329]. Пашков обнаружил у мыслителя достаточно сложную концепцию богатства, выявил ряд понятий, которыми оперировал Посошков.

Рамки традиционного меркантилистического истолкования идей Посошкова пытается разрушить другой его исследователь Л.М. Мордухович. По его мнению, Посошков являлся ранним представителем "классической буржуазной политической экономики, не получившей развития в России". Согласно этой точке зрения русский мыслитель "не разделял основных положений меркантилизма", а "признавал получение положительной прибыли ("прибытка") внутри страны и ставил величину ее в зависимость от производительности труда и уровня заработной платы" [33. С. 26, 25].

Вслед за Пашковым Мордухович совершенно правильно отмечает отсутствие у Посошкова меркантилистической системы идей. Но это вовсе не означает, что у него отсутствовали вообще идеи

меркантилизма, например протекционистские. С другой стороны, в своей книге Посошков не оставил прямых свидетельств, что в материальном производстве можно получить прибыль. В скрытой и, по-видимому, самой неопределенной форме идея прибыли заложена Посошковым в понятие "изобильное богатство". А термин "прибыток" у мыслителя — это не прибыль, а вновь созданный продукт, где и содержится материальная основа прибыли — прибавочный продукт. У Посошкова нет еще ярко выраженного понятия "цель производства". Целевая установка непосредственного производителя представляет собой как бы распределенную совокупность заданий "агентов потребления" [см. главу 2, 4].

Мордухович пытался объяснить противоречивость понятия "вещественное богатство", которое дается Посошковым, "то как совокупность материальных благ, идущих на личное потребление, то как масса товаров, подлежащих реализации". Он правильно объясняет эту двойственность развитием капиталистических отношений в рамках феодализма. Но ячейкой "переходной системы" у Посошкова выступает "домовое внутреннее богатство", для которого труд — это деятельность, приносящая прежде всего результат, "плод". И не случайно Мордухович недоумевает, что у Посошкова нельзя "еще найти прямого высказывания о труде как источнике богатства в буржуазном смысле" [51. С. 116, 117].

В своих работах Мордухович не сделал исчерпывающего анализа последней книги Посошкова. Творческое наследие русского мыслителя еще недостаточно исследовано, и необходимы серьезные усилия историков-экономистов, чтобы показать непреходящее значение его многих идей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

”Книга о скудости и богатстве” Посошкова – одна из вершин русской общественной мысли XVIII века. Написанная под непосредственным влиянием петровских преобразований, она поставила перед российским обществом вопрос об углублении начатых реформ. И это было сделано в период, когда наблюдалась определенная экспансия крепостничества. Посошков поставил перед абсолютистским государством коренной вопрос эпохи: не изменит ли оно социальной основы проводимой экономической политики, а значит, не пойдет ли на серьезную перегруппировку сил в обществе?

Книга Посошкова проникнута антидворянским пафосом: это первая в истории русской общественной мысли работа, где ставится вопрос о целесообразности крепостнической системы. Причем Посошков, талантливый и предприимчивый человек, на собственном жизненном опыте убедился в мертвящей силе российского крепостничества. Но он не отождествлял его институты с абсолютистской практикой всеобщей регламентации, которая складывалась в петровскую эпоху. Посошков приветствовал подобный ”порядок” и считал его нормальным методом осуществления будущих реформ. По его глубокому убеждению, полицейские действия

государства в экономике должны создать условия для достижения "изобильного богатства". С этих позиций он подходил и к крепостному хозяйству, предлагая посредством ряда последовательных изменений превратить русского крестьянина из объекта в субъект собственности. Тем самым он предвосхитил одну из основных идей российского Просвещения XVIII века: требование легализации частной крестьянской собственности. Но главное, к чему стремился Посошков, — это постепенный, но неуклонный рост продуктивности труда, и прежде всего сельскохозяйственного. Он предусматривал появление новых форм производства в российской деревне: предпринимательской аренды помещичьей земли со стороны зажиточного крестьянства.

Задуманная Посошковым аграрная реформа в случае осуществления привела бы к существенному ослаблению социально-экономических позиций дворянства в России. С другой стороны, мыслитель рассчитывал на заметное возвышение торгово-промышленных кругов. Причем Посошков считал, что расцвет российской промышленности должен произойти за счет роста всех форм организации производства: от ремесла до мануфактуры. Более того, выдвигалась идея, что государство должно быть ответственным за рост производства: его "привилегии" должны распространяться на всех хозяйствующих в промышленности субъектов. Мыслитель выступил решительным противником борьбы абсолютизма с "неуказным" производством.

Исключительно большая роль отводилась торговле и торговой политике. Посошков отрицательно относился к принципу "бессловности" торговли. Это прежде всего связано с тем, что сильные позиции

в торговле имело дворянство и его бюрократия. По его мнению, роль торговли должна возрасти, как только повсюду будет производиться "изобильное богатство". Отсюда и стремление Посошкова снять ряд барьеров для развития внутреннего товарообмена.

Чтобы создать условия для развития отечественной торговли и промышленности, мыслитель считал необходимым проведение (в какой-то мере даже изоляционистской) протекционистской политики. Но подобная мера – не самоцель, а продуманная и очень важная деталь общеэкономической стратегии.

Посошков поставил вопрос о невыгодности аграрной специализации России в общеевропейском разделении труда. Это был вопрос вопросов для российской экономики. Петровские преобразования дали мощный импульс социально-экономическому развитию России на весь XVIII век. Реформы, проведенные в условиях крепостничества, привели к противоречивым результатам. Развитие общенационального и "открытие" европейского рынков дало "второе дыхание" российскому феодализму. Происходило приспособление крепостного хозяйства к новым условиям, и начался его рост. Поэтому идея изживания крепостничества, с которой выступил Посошков, носила прогрессивный характер, а ее осуществление развязывало узел противоречий. На практике это означало бы подъем сельского хозяйства не только как сферы материального производства, но и как сырьевой базы многих экспортных отраслей отечественной промышленности. В результате произошло бы изменение характера хозяйственной специализации России в Европе. Поэтому в отличие от меркантилистов, представлявших сельс-

кое хозяйство как объект для непрерывного изъятия средств в промышленность, мыслитель подходил к этой проблеме более зрело. Для него важен подъем всех сфер материального производства и их гармоничное взаимодействие. Посошков преодолел односторонность меркантилистического анализа экономических явлений. В его экономической программе мы видим существенные элементы целостного, системного подхода.

265 лет назад была написана "Книга о скудости и богатстве", и до сих пор она читается с огромным интересом не только как памятник русской общественной мысли, но и как художественно-публицистическое произведение, документ петровской эпохи.

В наше сложное и ответственное время мы часто обращаемся к истории нашей Родины, перечитываем многие исторические сочинения, ведь любое честное, искреннее слово очень современно. В какой-то мере нашим современником является и Иван Тихонович Посошков, многие его "мнения", думается, не потеряли определенной актуальности и сегодня.

Книга Посошкова показывает, что наиболее глубокие реформы необходимы в тех отраслях хозяйства, которые представляют узел противоречий современной экономической системы. При Посошкове это было сельское хозяйство, которое могло дать самый быстрый "эффект обновления".

Посошков проявил себя как принципиальный противник крайностей при обновлении экономики страны. Он не "эволюционист", а трезвый хозяйственник. И не случайно на страницах "Книги о скудости и богатстве" настойчиво пропагандируются

натурально-хозяйственные принципы бережливости "Домостроя", так необходимые для роста частного, предпринимательского хозяйства. Посошков призывает рационально использовать элементы старых форм производства, а не "изобретать велосипеда".

По некоторым работам исследователей о Посошкове сложилось мнение, что его экономическая политика – это сплошная зарегламентированность производства и торговли. Но это неверное впечатление. Если обратиться к какому-либо конкретному случаю, то многие предложения Посошкова отличаются определенной хозяйственной "свободой". Например, он предлагает организовать ремесленные цеха, но в его рекомендации нет элементов, ограничивающих рост этой формы производства. Наоборот, "простор" регламентации позволяет мастерской ремесленника перерасти в "мастерской дом" – мануфактуру. Эта идея экономического роста с помощью государственной опеки удивительно проста. При этом проводится мысль о недопустимости разрушения низших форм производства (это имеет отношение и к крестьянскому хозяйству) и необходимости их "выращивания" до высших.

Книга Посошкова показывает, что финансовая система не должна носить самодовлеющий характер. Осуществление финансовой реформы у Посошкова равносильно реализации всех предусмотренных им экономических проектов. Но реформа налоговой системы – основа изменения всего финансового хозяйства страны. Поэтому новый налог у Посошкова выступает как хозяйственный инструмент изменения старых форм производства. Именно последовательное проведение принципа подоходного налога в сельском хозяйстве приводит Посошко-

ва к идее изживания крепостнических отношений и организации предпринимательских форм производства. Таким образом, оздоровление финансов означает обновление экономики, и наоборот.

Экономист был глубоко убежден, что богатство – не только материальные блага. Не менее важно "невещественное богатство", в арсенал которого входят и новые экономические идеи. Их представил в свое время Иван Посошков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
3. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. и коммент. Б.Б. Кафенгауза. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
4. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве / Ред. и вступит. статья и примеч. Б.Б. Кафенгауза. М.: Госсюцэкгиз, 1937.
5. Посошков И. Книга о скудости и о богатстве и некоторые мелкие сочинения ("Памятники русской истории". Вып. 8) / Предисл. А.А. Кизеветтера. М.: Н.Н. Ключков. 1911.
6. Сочинения Ивана Посошкова. Ч. I – II. Изд. М.П. Погодина. М.: Н. Степанов – Ф. Миллер. 1842 – 1863.
7. Посошков И.Т. Завещание отеческое к сыну / Ред. и вступит. статья Е.М. Прилежаева. СПб.: Синодальная типография, 1893.
8. Посошков И.Т. Зерцало очевидное (Редакция полная). Вып. 1 – 2. Казань: Тип. ун-та 1895-1900.
9. Сборники писем И.Т. Посошкова к митрополиту Стефану Яворскому. СПб., 1900.
10. "Тетради" старца Авраамия // Исторический архив. VI. М. – Л. Изд-во АН СССР, 1951.
11. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Худож. лит., 1982.
12. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М.: Худож. лит., 1985.
13. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987.
14. Российское законодательство X – XX веков. В 9-ти т. Т. 4. М.: Юрид. лит., 1986.
15. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 4 – 7, 45. СПб., 1830 – 1836.

16. Аникин А.В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М.: Политиздат, 1985.
17. Афанасьев В.С. Этапы развития буржуазной политической экономии. Очерк теории. 2-е изд. М.: Экономика, 1985.
18. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 5 – 6. М.: А.Д. и П.Д. Погодины, 1892.
19. Безобразов В.П. – Рец.: Брикнер А. Иван Посошков. Ч. I. Посошков как экономист. Спб., 1876 // Записки императорской Академии наук. Т. 33. Спб., 1879.
20. Чтения Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 1 (200), 2 (213). М.: Университетск. тип., 1902, 1905.
21. Брикнер А.Г. Иван Посошков. Ч. I. Посошков как экономист. Спб.: Тип. Акад. наук, 1876.
22. Брикнер А.Г. Мнения Посошкова. М.: Университет. типография (М. Катков), 1879.
23. Булгаков С.Н. История экономических учений. Ч. II. 4-е изд. М.: Изд. книжн. магазина "Высшая школа", 1914 (на правах рукописи).
24. Всемирная история экономической мысли. В 6-ти т. Т. I. М.: Мысль, 1987.
25. Гоббс Т. Избранные сочинения. Т. I. М.: Мысль, 1964.
26. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
27. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I – IV. М.: Русский язык, 1978 – 1980 (факсимильное изд.).
28. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 3. М.: Тип. Е. Гербек, 1884.
29. Дуров В.А. Иван Посошков – денежный мастер // Нумизматика и эпиграфика. XIII. 1980.
30. Есипов Н. Иван Посошков // Русское слово. 1861. Июль. Год третий.
31. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. В 2-х т. М.: Госполитиздат, 1952.
32. История русской экономической мысли. Т. I. Ч. I. / Под ред. А. И. Пашкова. М.: Госполитиздат, 1955.
33. История экономических учений. М.: Высшая школа, 1983.
34. Карнович Е. П. Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя начала XVIII века // Современник, 1858. № 10. Прил.
35. Кафенгауз Б.Б. Незавершенный труд М. В. Ломоносова // Доклады и сообщения института истории. Вып. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

36. Кафенгауз Б. Б. О "Российской минералогии" М. В. Ломоносова // Исторический архив. V. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
37. Кафенгауз Б. Б. И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
38. Кафенгауз Б. Б. Посошков о крестьянском вопросе (из истории меркантилизма в России) // Проблемы экономики. 1936. № 2.
39. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977.
40. Клочков М. Заметки о Посошкове // Русская старина, 1913. Май.
41. Клочков М. Б. Посошков о крестьянах // Великая реформа. Т. I. М.: Изд-во Сытина, 1911.
42. Ключевский В. О. Сочинения. В 8-ми т. Т. 3 — 4. М.: Госполитиздат, 1957 — 1958.
43. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
44. Куник А. Известия о неизданных сочинениях Ивана Посошкова // Записки императорской Академии наук. Т. V. Кн. 1. Спб., 1864.
45. Лешков В. Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии: В воспоминание 12-го января 1855 года. М.: Типограф. Москов. ун-та, 1855.
46. Лихачев Д. С. Великий путь. Становление русской литературы XI — XVII веков. М.: Современник, 1987.
47. Ломоносов М. В. Избранные произведения. В 2-х т. М.: Наука, 1986.
48. Миклашевский А. Посошков Иван Тихонович // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XXIV. Спб., 1898.
49. Мионов В. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII — XIX вв.). Л.: Наука, 1985.
50. Мордухович Л. М. Главные этапы истории экономических учений. Вып. I. М.: Москов. ин-т народ. х-ва им. Г. В. Плеханова, 1970.
51. Мордухович Л. М. История экономических учений (от античных мыслителей до Рикардо включительно). 2-е изд. М.: Всесоюз. заочн. ин-т совет. торговли, 1957.
52. Мордухович Л. М. Посошков // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 20. М.: Советская энциклопедия, 1975.
53. Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Спб.: Тип. Акад. наук, 1772.
54. Онкен А. История политической экономии до Адама Смита: Пер. с нем. Спб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.

55. Очерки истории русской культуры XVIII века. Ч. 1 – 2 / Гл. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во МГУ, 1985 – 1987.
56. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
57. Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб.: В. Киршбаум, 1897.
58. Павлов-Сильванский Н. П. Соч. Т. II. Очерки по русской истории XVIII – XIX в. СПб.: М. Сталюсевич, 1910.
59. Пашков А. И. Экономические взгляды И. Т. Посошкова // Известия АН СССР. Отд. экономики и права. 1945. № 4.
60. Пиккуль В. Из старой шкатулки. Миниатюры. М.: Детская литература, 1976.
61. Плеханов Г. В. Соч. Т. XXI. М. – Л.: Госуд. изд-во, 1925.
62. Погодин М. Крестьянин Иван Посошков, государственный муж времен Петра Великого // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 3.
63. Полянский Ф. Я. Цена и стоимость в условиях феодализма. М.: Изд-во МГУ, 1983.
64. Просина А. Б. Теоретическое обоснование Феофаном Прокоповичем реформ Петра I // Вестник Моск. ун-та. Сер. Право. 1969. № 6.
65. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1 – 3. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938 – 1952.
66. Розенберг Д. И. История политической экономии. Т. 1. М.: Госсоцэкиз, 1940.
67. Святловский В. В. Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России. Ч. I. СПб: Тип. "Герольд", 1913.
68. Святловский В. В. Очерки экономических идей в России. Т. I. Пг.: Начатки знаний, 1923.
69. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. I. СПб., 1888.
70. Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л.: Наука, 1982.
71. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3 – 4. СПб.: Изд-во т-ва "Общественная польза", 1895.
72. Соловьев С. М. Школа Посошкова // Библиографические записки. 1861. Т. III. № 5.
73. Сыромятников В. И. "Регулярное государство" Петра Первого и его идеология. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1943.
74. Тарасов И. Иван Посошков // Юридический вестник. 1880. Т. V. № 10.
75. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974.

76. Троицкий С. М. Финансовая политика Русского абсолютизма в XVIII веке. М.: Наука, 1966.
77. Хромов П. А. Очерки экономики феодальной России. М.: Госполитиздат, 1957.
78. Хромов П. А. Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М.: Наука, 1967.
79. Паревский А. Посошков и его сочинения. М.: Э. Лиснер и Ю. Роман, 1883.
80. Чаянов А. В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века // Криимовский Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве: Пер. с нем. М.: Новый агроном, 1927.
81. Чешихин-Ветринский В. Е. Отражение крепостного права в общественной мысли и литературе // Великая реформа: Сб. статей. М.: Образование, 1911.
82. Чулков М. Д. Историческое описание Российской империи. Т. 6. Кн. 3. М.: Университет. тип. (Н. Новиков), 1786.
83. Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XVI – XVII вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
84. Россия в период реформ Петра I. Сб. статей. М.: Наука, 1973.
85. Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.). Сб. статей. М.: Наука, 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА	7
Глава 2. ЗА ОБНОВЛЕНИЕ РОССИИ	24
1. Идеология петровских преобразований: некото- рые черты	24
2. Социально-политические идеи Посошкова	31
3. Учение о богатстве	38
4. Перестройка промышленности и торговли	48
5. Аграрно-крестьянский вопрос	64
6. "О царском интересе"	75
7. Особенности идеологии: попытка обобщения	85
Глава 3. СУДЬБА ПОТАЕННОЙ КНИГИ	100
1. Эстафета идей	100
2. Второе открытие	107
3. Посошков в дореволюционной отечественной ли- тературе	111
4. Историография советского периода	126
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
ЛИТЕРАТУРА	138

Платонов Д. Н.

ПЗ7 Иван Посошков. — М.: Экономика, 1989. — 143 с. —
(Из истории экон. мысли). — ISBN 5 — 282 — 00083 — 0

И. Т. Посошков — выдающийся русский экономист, автор "Книги о скудости и богатстве" — одной из вершин русской экономической мысли XVIII века. В его социально-экономической программе обновления страны нашли отражение противоречия экономического роста России периода петровских преобразований. Его творчество выражает прогрессивные устремления русской общественной мысли, ее патриотизм.

Для читателей, интересующихся политической экономией и ее историей.

0603000000 — 124
П 011(01) — 89 30 — 89

ББК 65.02

Научно-популярная

ПЛАТОНОВ Дмитрий Николаевич

ИВАН ПОСОШКОВ

Зав. редакцией **Б. А. Мясоедов**
Редактор **Г. Л. Гуртова**
Мл. редактор **Н. В. Бигеева**
Корректор **Г. М. Гапенкова**
Техн. редактор **Т. Б. Година**
Худож. редактор **В. П. Рафальский**
Оформление художника **А. Б. Державина**

Сдано в набор 07.11.88. Подписано в печать 16.12.88. А-08417.
Формат 70х100/32. Бумага офс. № 2. Гарнитура Тиде.
Офсет. Усл.печ.л. 5,85/6,01 усл. кр.-отт. Уч.изд.л. 5,60.
Тираж 25000 экз. Зак. № 289. Цена 20 к. Изд. № 6633.

Издательство "Экономика", 121864, Москва, Г — 59,
Бережковская наб., 6.

Типография им. Котлякова издательства "Финансы и
статистика" Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
195273, Ленинград, ул. Руставели, 13.

20к.

ИВАН ПОСОШКОВ

Современник и сторонник радикальных реформ Петра I Иван Тихонович Посошков (1652–1726) обессмертил свое имя "Книгой о скудости и богатстве" (1724). Он обосновал программу обновления страны, изменения аграрной и сырьевой специализации России в общеевропейском разделении труда, развития торговли и промышленности. Русская экономическая мысль по праву ставит его имя у истоков политической экономии. Дорого обошлись автору прогрессивные начала и патриотизм его учения, сомнения в целесообразности крепостничества. И.Т.Посошков закончил жизненный путь в тюрьме Тайной розыскных дел канцелярии.

